

РИХАРД РУДЗИТИС

КОСМИЧЕСКИЕ
СТРУНЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ
НИКОЛАЯ РЕРИХА

РИХАРД РУДЗИТИС

**КОСМИЧЕСКИЕ СТРУНЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ
НИКОЛАЯ РЕРИХА**

Минск
«Звезды Гор» — «СангитаСтрой»
2013

УДК [1+75.071.1](47+57)(092)+929Рерих
ББК 87.3+85. 143(2)
Р 83

Издание второе

Рудзитис Р.

Космические струны в творчестве Николая Рериха

Р 83 Рихард Рудзитис. — Минск: СангитаСтрой, 2013. — 144 с.

ISBN 978-985-7041-07-7.

Книга «Космические струны в творчестве Николая Рериха» написана Рихардом Рудзитисом по указанию Елены Ивановны Рерих. Автор раскрывает эволюционно-космические аспекты искусства великого Певца Гор. Полотно мастера вестники Будущего, отражение мира высшего, проявление небесной красоты на земле.

УДК [1+75.071.1](47+57)(092)+929Рерих
ББК 87.3+85. 143(2)

ISBN 978 985 7041 07 7

© Рудзите Г. Р., 2009, 2013
© «ЗВЕЗДЫ ГОР», 2009, 2013
© Оформление,
ООО «СангитаСтрой», 2013

Поверх всяких красот
есть одна красота, ведущая
к познанию Космоса.

Н.К. Перих

I. На пороге новой космической эры

1. В седые, незапамятные времена, в глубине древнейших эпох истории Земли, насчитывающей миллиарды лет, когда обитатель нашей планеты только начинал смутно сознавать свое бытие, человеческая мысль уже устремлялась в Космос. В отличие от животного, человек, гонимый каждодневной борьбой и заботой о выживании, все же мог поднять голову вверх и в великом изумлении вглядываться в звездную беспредельность. Это невольное изумление, при развитии сознания, вырастало в восторг и жажду познания. Присущая человеческому уму пылкость, благоговение и трепет перед неведомыми, могущественными силами Космоса стали огненными крыльями, которые поднимали человека над узкими горизонтами планеты и уносили в космическое пространство.

В долгой истории человечества всегда появлялись смелые, бесстрашные первопроходцы, которые вели народы по пути прогресса и своей дерзновенной мыслью стремились познать и исследовать истинные взаимосвязи и законы в процессах необъятной Космической Природы. Однако, когда мы рассматриваем, к примеру, космографическую систему Птолемея, застывшую и ограниченную, которая более тысячи

лет определяла направление западной научной мысли, где небесные светила представлялись развешанными на небосводе подобно бумажным солнцам и лунам в театре Шекспира, то в первое мгновение кажется, что уж очень медленным был путь прогресса эмпирической науки.

Но ведь еще до Птолемея, во всех веках были смелые мыслители, астрономы, естествоиспытатели — Пифагор, Гераклит, Аристарх Самосский, Гиппарх, Архимед и многие другие выдающиеся античные ученые, которые дополняли существующие теории или выдвигали новые, хотя официальная наука, быть может, их не признавала.

Ренессанс вызвал переворот в понимании строения Космоса. Джордано Бруно, Коперник, Кеплер, Галилей — все они были мыслителями и поэтами, одаренными гениальной интуицией и великим вдохновением; их гипотезы и логические умозаключения показывают, как хорошо они понимали космическую действительность. С тех пор в развитии точной науки произошел небывалый прогресс.

2. Затем подошли пятидесятые годы нашего столетия с удивительными открытиями в атомной физике и других отраслях науки, особенно — в технике. В самое последнее время произошло обновление и в способах изучения космического пространства. На помощь линзам телескопов, тончайшим приборам, спектральному анализу, математическим расчетам пришли чудеса современной техники — космические ракеты и спутники Земли с новыми сложнейшими инструментами исследования. Дерзновенная научная мысль, воспламененная жаждой познания, стремится овладеть и нашей Солнечной системой, и галактиками, и туманностями, и просторами самой Беспредельности; стремится познать, исследовать все глубже — что скрыто там, за завесой Неизвестного; быть может, даже установить контакт с другими

планетами Солнечной системы. Это и есть триумф современной науки.

3. И все же, наблюдая этот процесс с объективного расстояния, как бы из Будущего, мы начинаем ощущать, наряду с восторгом по поводу достижений дерзновенного человеческого интеллекта, на фоне небывалого развития техники, приближение и некой неизбежной, глубокой драмы.

Перефразируя слова Николая Рериха и Рабиндраната Тагора, можно сравнить победный марш современной техники и цивилизации со стремительным движением «головы» или ядра кометы, в хвосте которой, длиной в миллионы километров, на огромном расстоянии остаются тончайшие, лучшие человеческие достижения, которые мы называем духовной культурой.

Знаменательны упоминаемые Николаем Рерихом слова его учителя Куинджи:

«Однажды с Куинджи говорили о чудесах авиации. Он вздохнул: “Хорошо летать, прежде бы научиться по земле пройти”. Он-то умел по земле ходить».¹

Истинно, пока человечество пренебрегает духом, пока человек не научится ходить по земной коре в дисциплине и гармонии, пока не проявит своих этических и героических качеств в высшем сиянии и не осуществит дружелюбия и братства как высшего закона бытия, пока не овладеет полетами в духе — не завоеует Космос духовно, до тех пор техника будет «обоюдоострым мечом», способным угрожать восхождению человечества и служить его разложению, хотя она и призвана служить его комфорту и благосостоянию.

4. Подобные мысли невольно появляются у людей, созерцающих картины Николая Рериха. Первое впечатление — великое изумление: все необычно, чудесно, поверх логики

¹ Список источников цитирования см. в конце книги.

разума, все захватывает и волнует мысль и чувства. Все насыщено пламенеющими огнями или бархатным мерцанием, в безбрежную лазурь уходят серебристые вершины гор, люди не таковы, какими мы привыкли видеть их, они словно сошли с холста мастеров Ренессанса: их облики излучают духовный свет, и этот свет ощущается во всех компонентах картин — в цвете, в линиях.

После первого эмоционального и эстетического впечатления зритель начинает углубляться в идейный замысел картин, в сюжетный узор, сравнивает, оценивает, ищет истинное мерило для их восприятия. Взволнованный, он вглядывается в них, как в отражение своей совести, и — удивительно — в глубинах души вдруг вспыхивает мгновенное желание свершить нечто великое, героическое, устремиться вместе с автором произведений поверх повседневности — ввысь, в космические просторы.

Истинно, мы чувствуем в картинах Рериха победу человеческого духа над тяжестью плотной материи, преобразование инертного вещества в духовные структуры, великое озарение и великую поэзию полета мысли в Космос.

В первое мгновение мы интуитивно ощущаем, как невыразимое словами, незримое космическое дуновение исходит от картин Рериха. Кажется, что в одухотворенных фигурах, в языке цветовой гаммы, даже в деревьях, скалах, в контурах мятущихся облаков — во всем звучат космические струны.

5. Мы наблюдали великие сражения героев Махабхараты, Рамаяны и Илиады, или космические битвы «Потерянного Рая», ангелов Света и тьмы, или, вместе с Данте, взлетали к высочайшим божественным сферам, где обитают рожденные воображением поэта подвижники духа и святые. Мы созерцали космический лик могущественного титана, благодетеля человечества, прикованного Прометея, описанного пе-

ром Эсхила и Шелли. Вместе с Райнисом мы взлетали на «качелях вечности», или, как Лермонтов, пленялись печальной красотой нашей Земли. Но такого мы еще не видели, нам даже трудно представить, чтобы художник попытался изобразить нашу планету на фоне Космоса.

Может быть, это стремился передать Чюрленис в своих аллегорических видениях, или Дорэ, иллюстрируя произведения Данте и Мильтона или Евангелия, пронизанные мощным космическим подъемом. Но, конечно, попытка очеловечить, конкретизировать дыхание необъятного Космоса фантастическими фигурами, в зрителе может вызвать, наряду с эстетическим, и впечатление наивности. Ведь космическое ощущение должно сиять изнутри художественных образов. Дыхание Космоса должно наполнять всю композицию и ее компоненты настолько, чтобы мы почувствовали себя в ином, сверхкосмическом пространстве и в ином течении времени.

6. С другой стороны, некоторые великие пейзажисты, например, Куинджи, отодвигают горизонты своих пейзажей в такие планетные дали, что зритель, созерцая слияние земли и неба, переживает невыразимое чувство восторга от прикосновения к чему-то великому.

Так и в картинах Николая Рериха мы прежде всего ощущаем необъятный простор и космичность. Кажется, что Космос у него отражается и звучит в каждой былинке и цветке придорожном, и тем более в величественных обликах гор и прекрасной душе человека, являющей собою венец эволюции. В западной философской литературе в свое время было немало дискуссий о выявлении космического сознания в деятельности некоторых великих духовных личностей. Такое высокое психологическое проявление мы невольно относим и к картинам Рериха, когда спонтанно отдаемся влиянию их красоты.

7. Бетховен в своей Девятой симфонии создал жизнеутверждающий гимн братству сердец всего человечества — исполненную экстаза космическую, величественную песнь. Ода Радости возносится в высоты беспредельности, проникает и озаряет пространства, и, сливаясь с токами космических лучей, тончайших вибраций и энергий, как властная, возвышенная сила возвращается в души человеческие. Так и картины Рериха словно преодолевают границы земной тверди, устремляясь в необъятные космические горизонты. Они — словно частицы планеты, что отделились от своей праматери Земли и обрели самостоятельное бытие в сонме творений солнечной космической Красоты.

8. Что же представляет собой космичность в творчестве Николая Рериха? Мы попытаемся определить эти космические струны или мотивы в произведениях великого художника.

С точки зрения психологии, космические лейтмотивы — это те элементы, которые в бытии человечества и планеты согласуются с законами, продвигающими эволюцию, и ведут человека и человечество по пути совершенствования, приобщая к сотрудничеству с всеобъемлющим ритмом гармонично восходящего Космоса.

В каждом свойстве человека нужно искать и развивать его высшие, то есть космические основы. Поэтому космическими лейтмотивами мы можем назвать наиболее благородные, альтруистические качества во всех чертах характера человека, во всей сущности его жизни. Космическое — это то, что не ограничено, не замкнуто только на себе, на своей самости, но постоянно устремляется, в преданности и благоволении сердца, из узкого личностного круга к широкой общечеловечности и благу других, к счастью народа и ускорению эволюции человечества, а вместе с тем — и всего Космоса.

Так в сотрудничестве и жажде совершенствования в человеке развиваются те качества, которые можно истинно назвать космическими, ибо они приближают к целям космической эволюции, а именно: дружелюбие, любовь, преданность, терпимость, великодушие, жертвенность, чуткость и т.д. Все эти качества обретают космическую красоту, когда начинают звучать струнами внутренней культуры и героизма, когда эти нравственно возвышенные, высококультурные свойства объединяются в благозвучии характера, духовном синтезе, этике личности — в человеке возвышенного духа, который подобно маяку излучает спасительные огни на дальние расстояния, среди сумрака несовершенного человеческого сознания.

Поэтому космическую эпоху, возвещающую своим благовестом Великое Будущее, мы можем назвать эрой духовной культуры или духовно-этического возрождения.

II. Из прошлого в будущее

9. Если мы обратимся к первому этапу жизненного пути Николая Рериха, то увидим мальчика с неутолимой жадью познания. В школьные годы его сильно увлекали и интересовали русские, славянские древности и археология. Знаменательно, что позже, поступив в Академию художеств, он одновременно изучает юридические науки и слушает лекции по русской истории. Проводя летние месяцы в имении своего отца, он восхищается курганами, производит раскопки, зарисовывает найденные предметы. В древних археологических слоях земли он ищет следы человеческой деятельности, своеобразные черты доисторического человека. Можно сказать, что Рерих, подобно поэту-провидцу, пытается прочесть историю планеты в узорах геологических образований, понять загадочные «тайные знаки» мозаики природы, претворить сухие научные факты в живые образы поэтических картин.

Он видит, что даже у человека каменного века было, хотя и не вполне осознанное, стремление к красоте, которое он пытался выявить, украшая предметы обихода, стены пещер и т.д. Рерих понял, что истинная жажда прекрасного неизменно сопровождала и окрыляла человечество на путях эволюции, как сила, вдохновляющая к созиданию, к строительству духовной культуры. Молодому Рериху прошлое ви-

дится наполненным древними звонами, песнями, овеванным фантастическими сказаниями, в которых кристаллизовались лучшие космические ощущения и устремления человечества. Интерес к старине пробуждает в Рерихе исключительную любовь к духовному наследию прошлого и к его величайшим представителям.

Таким образом, уже в раннем периоде творчества Рериха отражаются громадные, глубинные исторические перспективы — от примитивного сознания человека эпохи неолита до вершин развития человеческого сознания, до возвышенного мира подвижников духа. Позднее изображение духовно сильных, героических личностей становится для него одной из главных задач художественного творчества.

10. Но как бы Рерих ни углублялся в образы и психологию прошлого, уже в этот период он неуклонно искал дыхание будущего, лучшие искры завтрашних свершений. Так самобытные, мощные, сокровенные образы и напластования минувшего в творческой трактовке Рериха, как в волшебной спирали, объединяются с грядущим. И если Рерих больше всего увлекает зрителя дыханием эпоса, героическими личностями прошлого, то все же эти образы являются золотыми страницами книги великих достижений человечества Будущего. Потому впоследствии Рерих мог так легко переключить сознание на Будущее, полное видений и сияющее всеми цветами радуги прогресса.

11. Ведь воистину, Грядущее — царство всех планетарных и космических возможностей. Будущее устремляется в лучезарные дали эволюции Космоса, когда человек нашей планеты обретет в своем сердце настоящее чувство дружбы к другому человеку — своему брату и ко всем живым существам, когда на Земле воцарится мир и прежние разрушительные силы человека будут дисциплинированы и преобразятся

в творчество красоты и блага, в восхождение жизни, в борьбу со стихиями природы и победу над ними.

Знаменательно, что Рерих мало затрагивает сегодняшний день. И в событиях настоящего он ищет лишь возможности Будущего. «Теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое для будущего».

12. Один из друзей Рериха как-то сетовал о прошлом, которое никогда больше не вернется. Рерих ему ответил: «Что значит все прошлое перед Будущим?!»

«Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего».

И картины Рериха устремлены в неизведанные светлые дали, навстречу некоему все преображающему идеалу, словно не только человек — главный объект произведений искусства, но даже деревья и камни жаждут преодолеть себя и воссиять в несравненной космической красоте Будущего.

III. Великая реальность

13. Наряду со стариной и историей, Рериха с детских лет увлекает любовь к природе. Всю жизнь он будет не только певцом вечной природы, но и ее вдохновенным толкователем и защитником. Эта, вначале еще интуитивная, симпатия со временем превращается в сознательную, великую любовь к горам, как к высшему венцу природы.

В перспективе Будущего, природа в понимании Рериха обретает более глубокое эволюционное значение. Еще ребенком, он не только в деревьях и цветах, но даже в камнях ощущал некое энергетическое начало, как бы застывшую стихию огня, можно сказать — латентное сознание, которое отвечало на все его исследовательские вопросы, раскрывало перед ним тайны доисторических эпох и рисовало образы из жизни древних людей. Такой взгляд сохранился у Рериха до конца жизни и, несомненно, наложил отпечаток на все его творчество. Поэтому не случайно один из посетителей его выставки недавно записал: «Ты оживляешь камни и скалы, и чем больше вглядываешься, тем более живыми они становятся».

14. Рерих ощущает жизнь мироздания повсюду, как биение сердца во всем, и не только в органической, но и в так называемой неживой природе. Он видит ее одушевленной, в

процессе вечного становления. В природе текут потоки неведомых космических сил, которые, дополненные богатым поэтическим воображением, выявляются в причудливых, нередко фантастических образах. Так у Рериха есть картины с названием «Дух огня», «Дом Духа», «Спящий великан» и т.д. Даже облака, изображенные им с великим мастерством и в бесчисленных вариациях, подсказанных воображением, словно тоже наделены душой. Они горят то розово-золотистые, радостные и проясненные, то угрожающие и мрачные, или — серебристые и умиротворяющие. Например, «Веления неба» — целая симфония облаков. В картине «Бой» Рерих первоначально изобразил в небе стремительные фигуры мифических Валькирий, но впоследствии превратил их в клубящиеся облака, чтобы зритель сам, напрягая воображение, ощутил присутствие вагнеровских стихийных сил.

Можно сказать — в динамике форм природы в искусстве Рериха отражается великий огненный ритм космической эволюции, сформулированный еще Гераклитом в известном научном тезисе: все течет — все в становлении уносится навстречу вечной цели восхождения Вселенной.

15. Созерцая природу в нескончаемом процессе пульсации и движения материи, Рерих от внешних форм и покровов устремляется в мир тончайших вибраций, энергий и лучей природы, в мир, наполненный излучениями мыслей и чувств человека. Перед его взглядом художника неживая материя разлагается на первичные атомы и энергии, проявляется огненное пламя и излучения. Рерих через все явления и вещи ищет ту самую *Anima Mundi*¹ древних греков, или, другими словами, — целеустремленный импульс космической жизни, который пульсирует в камне, растении и, уже созна-

¹ Мировая Душа (лат.).

тельно, в коре человеческого мозга, продвигая и формируя все сущее согласно высшему закону космической эволюции, или гармонии.

16. В бескрайних просторах Вселенной царит великое единство, которое объединяет в созвучные системы как гигантские галактики и вращающиеся туманности, так и самые дифференцированные формы природы, силы и существа, и устремляет их в общем эволюционном шествии к неизведанному космическому Будущему. И художник-творец, словно орел с вершины утеса, созерцает калейдоскопически меняющиеся ритмы великой вечной природы, бесконечные взаимопревращения явлений и энергий, воспринимает их сердцем, радуясь их мощи, величию и красоте. Из потока форм и видений великой Реальности мастер выбирает для своих полотен самобытное, существенное, неповторимо прекрасное, в котором он чувствует проблески космической красоты.

Перед дальнзорким взглядом художника раздвигаются, отдаляются границы и горизонты. Так Рерих, проходя школу жизни, учится наблюдать природу и ее явления с большой дистанции, как будто с духовных высот, поднявшись на которые, творческий гений в художественном мышлении может согласовать, привести к благозвучию не только порывы своих субъективных чувств, но и противоборствующие и мятущиеся силы природы.

17. Никто не может утверждать, что Рерих в своих символических изображениях абстрактен. Напротив, в его картинах отражаются многообразные идеи и темы, психологически и философски завершенные образы прошлого, видения будущего. В его работах ощутимо само дыхание живой жизни. В искусстве Рериха, можно сказать, отображается великая Реальность Космоса. Частью этой реальности является и

наша сущность, потому его искусство волнует и невольно очаровывает нас.

Не случайно некоторые критики отмечают реалистический характер искусства Рериха, подчеркивая, что при осуществлении своих замыслов, в отображении прошлого он «не прибегает к абстракциям, а напротив, держится исключительно вполне определенных образов, каких-то картин жизни — жизни, положим, далекой, “вымершей”, но на самом деле убедительной в своем прошлом бытии и находящейся знакомый отклик в каждом из нас» (А. Бенуа).

И сам Рерих говорил: «Мы стремимся изучать и воплощать так называемую абстракцию в реальность».

18. Но эту великую Реальность Рерих воспринимает эмпирически, внутренним сознанием — научно, синтезом сердца и ума. Даже в его художественном воображении нигде нет противоречия с логикой и разумной эволюционной сущностью природы. Мировую действительность он видит в ее градациях и стремится прежде всего познать ее высшие проявления — сферу возвышенных, героических идей и вибраций, возвышенных чувств, которую наука только начала исследовать, но в которой дух художника обитает как на своей истинной родине.

IV. Вечный странник

...Обращайте внимание на странников, нечто двигает ими и не дает покоя. <...> Они не страшатся расстояния, они научаются многому. Между ними могут быть вестники.

Братство, 198

19. С ранних лет Рерих несет в себе дух вечного странника. И в самом деле, он ходил по горам и долам нашей планеты как «очарованный странник», которого окрыляет восторг и любовь к прекрасным явлениям мира, не покидает жажда открыть нечто несказанно прекрасное и воплотить его в жизни. Гимназистом, а затем студентом он летом любит полями и лесами в имении своего отца «Извара», а впоследствии — северными краями, овеванными то суровой, то лирической красотой, и повсюду его внимательный взгляд находит сокровища. Позже, уже в качестве художника, в дальних странствиях он ищет идеи и краски для своей палитры, для творчества, в первую очередь интересуясь ценностями старины. В 1903 году, вместе с другом своей жизни, Еленой

Ивановной, он отправляется в паломничество по овсянным легендами древним русским городам, и отовсюду увозит с собой этюды — воспоминания о самобытной архитектуре — строениях, храмах, памятниках, записывает народные сказания. Беседуя с деревенскими жителями, он прикасается к сокровенным глубинам их души. Рерих пишет лаконично, с чувством, первозданно свежо, и в этой простоте раскрывается та незримая духовная красота, которая так очаровывает зрителя и уносит его воображение в далекую, зовущую действительность.

20. Мы видим Рериха в Париже, где он совершенствует свое мастерство в художественных студиях. Он участвует в заграничных выставках, путешествует по городам Италии, где еще сохранилась древняя красота. Там, в дальних странах, где неопишуемая лазурь южного небосвода, где на картинах старинных мастеров Ренессанса можно лицезреть чудную музыку цветовых созвучий, он почерпнул для своих картин все самое прекрасное, ту невыразимую звучность, мощь и ликование красок, которые все ярче сияют на его полотнах.

Так Рерих становится одним из наиболее самобытных и видных русских художников, своим искусством завоевав бесчисленные сердца, а также выдающимся деятелем культуры, директором художественной школы, учителем и воспитателем. Даже когда он работает в своей художественной студии, его воображение летит в просторы родной и милой земли, прикасается к ее древним героическим сказаниям, устремляется и далеко за ее рубежи — на Восток и на Запад, на родину Пер Гюнта, Сестры Беатрисы, Тристана и Изольды, повсюду он подмечает и запечатлевает в своих этюдах неповторимый, своеобразный колорит каждой страны.

21. Все же по-настоящему пути странствий открылись перед Николаем Рерихом незадолго до революции. Некоторое

время он живет в Финляндии, затем едет в Скандинавские страны, в Лондон, повсюду организуя свои выставки. В Лондоне он пишет индийскую сюиту «Сны Мудрости». Там Рериха посещает Рабиндранат Тагор, влекомый любовью и интересом к России. Так началась дружба Рериха с великим поэтом индийского народа и с самой «страной чудес» — Индией. Когда же Николай Рерих приезжает в Новый Свет — в Америку, он встречает отзывчивых друзей, меценатов; общими силами они основывают ряд культурных учреждений, и самое главное — знаменитый Музей Рериха, небоскреб в Нью-Йорке, где осуществляется на практике синтез различных видов искусства и культуры. Но самая сокровенная и сердечная мечта с юных лет звала Рериха в величественное горное царство Гималаев. Еще в школьные годы он изучает карты дорог Азии, в 1914 году пишет очерк «Индийский путь». Свою мечту Рерих наконец осуществляет в 1923 году, организуя экспедицию по Средней Азии. Это научное и художественное шествие через Гималаи, Тибет, Монголию и Алтай навсегда породнило Рериха с миром Гималаев.

22. С тех пор, как вечный странник впервые ступил на землю Азии, он еще не раз пересекал не только границы азиатских стран, но переезжал с одного континента на другой, через моря и океаны, изучал психологию многих народов, знакомился со многими культурами и традициями, ассимилировал и претворял их в своем сознании. Но все же, найдя общий язык с народами Востока, Рерих остался русским человеком, и стремился подарить достижения русской культуры другим народам. Рерих был и остался русским художником, сохранив в своем творчестве тот самый первозданный, самобытный русский колорит, который столь явственно выражен в его раннем искусстве. В этом мы вновь убеждаемся, созерцая картины последних лет его жизни. К примеру,

«Весна священная» (1945) — весенний хоровод русских девушек, — тот же самобытный, типично рериховский стиль, только в новом, еще более лучезарном звучании. Таковы и другие его картины, созданные в тот же период: «Поход Игоря», «Святогор», «Настасья Микулична» и пр.

23. Можно представить Рериха таким, каким его изображают близкие друзья — в вечном движении. Он всегда проявлял «необычайную легкость в передвижении. Вот мы говорим о том, что Рерих далеко. Но так возможно, что завтра придет весть о его приезде, или сам он неожиданно появится с маленьким коричневым несессером в руках...»

Рерих, как художник, мыслитель и строитель, идет всегда вперед, в неотступном гармоническом ритме. В таком движении — великая динамика созидания и ритм крещендо, нескончаемое обновление и богатство вариаций исполнения замыслов, «вечное стремление кверху». Этот принцип отражается в широком размахе творчества Рериха.

Мы знаем, что в этом вечном, напряженном поступательном движении, во время высокогорных переходов и в необычных, самых тяжелых условиях Рерих написал многие лучшие картины и замечательные очерки.

24. Когда мы думаем о Николае Рерихе, перед нашим мысленным взором встает мотив картины «За морями земли великие». На полотне изображена славянская девушка в древнем праздничном одеянии, которая весело и бодро идет, среди зелени и камней, к берегу великого моря. В другом варианте — девушка куда-то спешит, словно окрыленная мечтой, вдоль побережья. Или композиция «Нескончаемые тропы» — человек на лыжах направляется через заснеженные горные кряжи. Так герои полотен Рериха, как и автор, находятся в непрестанном движении навстречу какой-то горячо желаемой цели. Даже в позах фигур, сидящих по-восточному в спо-

койном размышлении, ощущается большое внутреннее напряжение, интенсивное излучение добра.

25. Движение — это огонь, зажигающий жизненной энергией и бодростью все существо путника. Рерих и сам — человек великого оптимистического горения, энтузиаст, образно говоря — сын духовного огня, который открывает все врата и подобно магниту притягивает наилучшие возможности. «Истинно, мы энтузиасты, — говорит Рерих, — этот энтузиазм основан не на слепом фанатизме, но на чистосердечии, на синтезе знания, укрепленном мудростью веков».

26. Самой характерной чертой Рериха с детства является исключительная любознательность, желание все познать, ко всему осязаемо прикоснуться и изучить, собрать в сокровищнице сознания самое лучшее, а именно — искры космических прозрений. «<Слово> “ищущий”, — говорит Рерих, — как единственное средство молодости и преуспевания». Это качество дополняет зоркая художественная наблюдательность, находчивость, четкая логика и полет воображения. Неутолимой жажде знания сопутствует сокровенное желание делиться знанием с другими. Так уже в школьные годы Рерих начал писать в журналах о наблюдениях в области русской старины, и этот бескорыстный импульс служения просвещению впоследствии становится сущностью жизни.

27. Круг интересов Рериха истинно безграничен. Это заметно не только по многообразной тематике его картин, но и по научно-философским очеркам, путевым заметкам, собранным в ряде книг, наконец — по листам дневника. Здесь он вновь и вновь прикасается к новейшим достижениям науки и культуры. Лучшее в культуре, искусстве, этические принципы выдающихся творческих личностей и воплощение их в жизни, практические нужды жизни и медицина —

энциклопедически включаются в круг познания Рериха. Он собирает все, что, кристаллизуя в своем сознании, он мог бы передать дальше. Мимо него не проходят и новейшие изыскания в области тончайших энергий, итоги экспериментальных исследований человеческой психики. С каким интересом и чувством он пишет, к примеру, в статье «Парапсихология» (1938): «Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. <...> Проф. Рейн и проф. Макдугл уже много лет работали над передачей мысли на расстояние. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. <...>

Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам; еще недавно биолог Г. Лаховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И таким порядком труд Лаховского подтверждает опыты доктора Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. <...> Всем отрицателям можно лишь посоветовать — “знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватой преступного невежества”. Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий». Таким языком — смелым, воспламененным жаждой познания всегда говорят статьи Рериха.

28. Бескрайняя широта мировоззрения Рериха отражается и в размахе его творчества. Николай Рерих напоминает титанов Ренессанса, которые устремлялись к горизонтам всеобъемлющей культуры и знаний. Ренессанс происходит от широких мировоззрений, — говорит Рерих. В творческой гамме искусства Рериха мы видим каменный век и древних славян, Мадонн и Святых христианских фресок, выразителей духовной культуры народов Азии. Все, к чему прикасается Рерих, как бы раздвигает границы, расширяет го-

ризонты. Сравним хотя бы пейзажи русских художников, где изображена церковная архитектура, с полотнами Рериха на эту же тему; возьмем, например, «Ранние звоны». Мы видим торжественное народное шествие, где по особым краскам, пламенеющим хоругвям, мерцанию свечей и лучезарным лицам мы ощущаем надземные колокольные звоны благовеста Грядущего. Одухотворенную процессию, исполненную экстаза, проникают небывалые, сокровенные, космические звучания.

29. Но сердце вечного странника, устремленное жаждой познания, хочет видеть больше, чем вмещается в круге положений и доктрин современной точной науки. С каждым новым познанием великого Неизвестного в его бесконечных градациях космических энергий, сердце все больше жаждет завоевывать, устремляться дальше и глубже. Это и есть та огненная мечта, живущая в сердце каждого творца, не позволяющая удовлетвориться достигнутым, но, подобно герою известной сказки, взглянуть хоть раз в жизни на тайну мироздания, распахнув запретные врата.

30. Так и Николай Рерих с молодых лет искал повсюду, в знаках планеты и великого звездного Космоса, то новое и самобытное, что он мог бы познать и воплотить как в творчестве, так и в жизни.

Подобно устремленному герою многих сказок, Рерих годами ищет там, за морями, за тридевять земель волшебный огненный цветок, который сделал бы лучше и светлее не только его жизнь, но всю обитель человечества, все сущее. Этот чудесный цветок он наконец находит под вечной защитой горных вершин.

31. Хочется вспомнить отшельника из легенды Рабиндраната Тагора, который на берегу великого океана искал камень, превращающий при касании любой металл в золото.

Но долгие поиски стали для отшельника привычными и механическими, и, однажды найдя чудесный камень, он небрежно отбросил его и только потом опомнился, увидев, что металлический пояс от прикосновения камня сияет золотом. Не в пример легенде, Рерих, найдя волшебный камень, сознательно его применяет, чтобы от каждого прикосновения его кисти все детали картин сияли, излучали свет.

32. Еще одно сравнение: путник дальних дорог ищет золотой ключ — сезам, открывающий суть всех явлений, чтобы наконец дойти до всеобъемлющего познания, которое звучит в словах молитвы мудреца индийских Упанишад: дай мне постичь то познание, постигая которое, я познаю все.

Истинно, невидимый свет чудесного ключа сияет и сверкает в композициях Рериха. Поэтому так удивительно гармонично, пластично, логично построены не только все его живописные работы, но и стихи и статьи и, наконец, его многогранная, деятельная, посвященная созиданию жизнь.

V. Гармония мира Рериха

33. В поисках открытий и красоты, в паломничестве по святым местам духовной культуры Европы и Азии, вглядываясь в сокровенные глубины народной психологии, прикасаясь ко всему с зоркой наблюдательностью, богатой чувствами душой, Рерих накопил громадный опыт. Утончилась его внутренняя культура, упрочилось мировоззрение.

34. И все же духовная мудрость на интуитивном уровне была у Рериха с юных лет. Ибо с дерзновением и верой в себя, в свою Путеводную звезду, он всю жизнь неуклонно шел к задуманной цели, и все больше приближался к ней в своем многообразном творчестве.

35. Однако неугасимую ясность сознания, магический ключ к миру идей Рерих обретает в глубинах мудрости Востока, в соприкосновении с Гималайскими высотами, где среди необъятных горизонтов прошли последние десятилетия его жизни. Здесь странник дальних дорог в созерцании и гармоничном познании воплощает знания в своих трудах, становится мудрецом жизни. Не случайно в Индии его величают «Гималайским Риши» или «Сыном Гималаев».

36. Духовный настрой Николая Рериха в его гималайском периоде, как можно полагать, прекрасно выражен в

одной из его самых любимых картин, в царственном и величественном полотне «Сантана» («Река жизни», в 1944 году написан еще один вариант этой темы). Под горным утесом, покрытым синеватым ледником, перед пещерой, в глубокой медитации сидит седой отшельник. Слева, из-под сияющей снежной толщи вытекает изумрудно-серебристая река. Розово-фиолетовое небо и покой вершин надо всем, спокойствие на торжественном и одухотворенном лице йога. Созерцает ли он в бушующей реке стремительный поток причин и следствий жизни, словно находясь «по ту сторону добра и зла»? Или этот поток означает непрестанное, неудержимое устремление сердца, источником которого является мудрость снежных Гималаев? Кто знает? Каждая линия, каждый оттенок цвета выражает какую-то тайную мысль.

У Рериха еще есть картина, где отшельник на горном уступе, перед ликом невыразимых, сказочных вершин, читает «Книгу жизни» — знаки познания вечности и смысла бытия. У его ног доверчиво пасется стадо горных козульт.

Картина напоминает написанное вскоре после революции полотно «Голубиная книга», по сюжету известного, замечательного русского сказания. Это — величественная книга жизни, где запечатлены законы Вселенной, происхождение человечества и его грядущее. Вокруг книги, упавшей с развратных небес, толпятся цари и князья и честной православной толты, но никто не в состоянии ее прочесть.

В широким шеденных Рериха отражается великая полнота его мировоззрения. Грустно найти другого художника со столь же великим и глубоким обзиром. Каждая картина кажется космическим творением. Все — элементы формы, детали композиции подчинены единому, величественному, единому идею. Эта целостность мировоззрения, великий единственный опыт и богатство пережитых событий сообщают полотнам Рериха ту силу воздействия,

которая убеждает зрителей, словно они смотрят в лицо самой истине жизни.

38. С другой стороны, Рерих проявляет изумительную способность художественного воображения, что несомненно является следствием духовной культуры, наблюдательности и опыта. Однако его богатое воображение, даже в символических картинах, не кажется оторванным от жизни, там нет ничего неясного, основанного только на эмоциях. Рерих создает свои композиции как знаток действительности, как ученый с точным логическим мышлением, и само его воображение основано на эмпирических явлениях и возможностях.

Его поистине огненная, творческая фантазия создала бесконечное многообразие художественных форм, тематики и изобразительных средств, — тот самобытный, единственный в своем роде «Мир Рериха», в котором каждое проявление оригинально, и ничто не повторяется.

39. Зритель всегда удивляется, каким образом Рерих мог столь реально и убедительно изображать исторических личностей, притом на жизненно достоверном фоне эпохи, словно он сам жил в ту пору. Ведь здесь не помогает понимание человеческих «аналогий». Разрешение загадки — в яркой, гениальной художественной интуиции и воображении.

40. Мы говорим, что Рерих реалист и изображает действительность, но она в известной мере художественно и философски преображена автором, согласно его мировоззрению и восприятию мира. Мечта о действительности у Рериха-творца зачастую невольно опережает увиденное в реальности. Это претворение действительности в пределах достоверности — тайное желание всех великих мастеров, а именно — преображение все еще несовершенной зримости

в подчиненный законам прекрасного свой Космос, в котором художник является богом и властелином, и может вдохнуть в него рожденную в огненной кузнице творчества частицу своих сокровенных идеалов. Работать так — значит проявлять великое художественное дерзание, преодолевающее все традиции и ранее установленные законы, ибо часто именно гений является законодателем; он интуитивно понимает законы Космоса гораздо лучше и существеннее, чем многие другие, и может запечатлеть их в лучших произведениях как лейтмотивы и нормы своего искусства.

41. Истинно, художник-творец своей пламенной, устремленной мыслью идет во главе прогресса человечества, призывает, вдохновляет, ведет за собою в прекрасную действительность, осиянную гармонией утреннюю зарю будущего, и мечта увлекает его по пути восхождения, только вперед.

42. Помимо присущей Рериху тональности воображения и чувств, в его работах выявляется глубокая художественная интуиция или духовный синтез, широкое и утонченное чувствознание, которое становится столь послушным «инструментом духа», что некоторые называют эту его способность «космическим синтезом», или, как когда-то писали в западной философской литературе, «проблеском космического сознания». Космический синтез в человеке можно назвать музыкальным ключом всех явлений и мировых проблем. Это взгляд, который созерцает все вещи и явления на более широком и высоком фоне — «фоне Гималаев», и в человеческой душе и красоте планеты видит отражение луча космической красоты.

43. Такой духовный синтез образовался из способности утверждать и ассимилировать в себе красоту мира, а именно — из великой терпимости духа, радости каждому явлению пре-

красного и возвышенно эволюционного в человеке. Как пример всеобъемлющей терпимости Рерих вспоминает Франциска Ассизского в статье «Любовь непобедимая», с истинным благоговением сердца подчеркивая его великое вмещение, человеколюбие и благоволение ко всем живым существам, в том числе и к животным (по преданию, даже волка он сделал послушным и добрым). Легенды сохранили рассказы о дружбе и беседах Франциска с птицами, именно такой момент Рерих запечатлел в своей картине, посвященной Франциску Ассизскому.

44. Большую терпимость проявлял Рерих и в оценке трудов других художников. В одной из статей он говорит о своем учителе, французском художнике Пюви де Шаванне, который, высказывая свое мнение об искусстве, «всегда отличался чудесной терпимостью. Так, например, я помню, как однажды, посетив с ним одну выставку, я был поражен, с какой тонкостью он находил положительные и доброжелательные отзывы для самых разнообразных произведений. Лишь иногда мастер проходил молча — это был знак отрицания».

45. Таким же утвердителем блага по отношению к людям и к культуре всегда и везде был Рерих. В статье «Глаз добрый» он писал: «Мне говорили, что Станиславский заставляет своих учеников: “Умейте в каждой вещи найти не худшее, но лучшее”». «Учиться радости, учиться видеть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо учиться их очистить. Строго себя удерживать от общения с тем, что не полюбилось».

И у нас жизнь разрастется. И нам недосуг станет всматриваться в ненавистное. Отойдет ликование злобы.

И у нас откроется глаз добрый».

Ко всему, что несет в себе эволюционное зерно, Рерих подходит с глазом добрым, «глазом сердца». В одной статье он призывает искать искру добра даже во враге. Тем более он искал возможность эволюционного сотрудничества в каждом труженике, которого он признавал годным для культурной кооперации.

Рерих верил в человека, он стремился рассмотреть в нем и сберечь его лучшие качества, будучи убежден, что если утверждать и раздувать пламя добра, со временем оно может стать настоящим светом. Само доверие уже морально возвышает человека, побуждает оправдать себя в глазах другого.

46. Вестником блага, выразителем эволюции и великого оптимистического смысла жизни стал Рерих в своем творчестве. Знаменательно, что если в его ранних произведениях изредка звучали мотивы, навеянные чем-то отрицательным или устрашающим («Зловещие», «Град обреченный» и т.д.), то в гималайском периоде почти не появляются темы, несущие элементы чего-то жуткого, даже ночь у него расцветает надеждой и устремлением, украшенная звездной беспредельностью.

47. Истинно, мы вправе говорить о великой гармонии мира Рериха, где в перспективе грядущего света все диссонансы жизни претворяются в консонанс, сливаясь в чудесную симфонию красоты.

VI. Провозвестник и строитель

48. Путник на сокровенных просторах чаяний сердца человеческого, который столько получал, но во сто крат больше отдавал, странник, очарованный этой землей и небом, ведал ли он о своем еще одном лучезарном облике? Именно, он всегда был и вестником. На своем долгом самоотверженном пути он приобщился к плеяде великих Благодетелей человечества, которые могли сказать о себе: «Не вечный странник, но гонец стремящийся — Наш путь».

49. Истинный художник неизменно является и воспитателем народа. В каждой работе он дарит людям лучшее в себе — красоту, выкованную в горниле сердца. С первой картины, сюжет и композиция которой выражают некую идею, Рерих становится сеятелем зерен добра в сознание народа, желая поделиться с ним своей сокровищницей духовного опыта. Но приходит время, когда миссия художника расцветает в его сознании подобно жар-цвету, когда он стремится охватить вершины эволюции человечества и вызревшую в нем истину возвещает людям высоким, светлым словом культуры, становясь ее вестником.

50. Характерно, что мотив вестника, гонца, искателя новых знаний не однажды повторяется в тематике картин Рериха. Его дипломная работа «Гонец» (1897) наполнена поэзией

старины: в зеленоватом, бледном лунном свете по тихой реке, на берегах которой видны в сумерках жилища людей, в лодке плывет седой вестник. По его фигуре и общему тревожному настроению чувствуется, что он спешит с важной вестью. Уже здесь намечается свойственное Рериху глубокое лирическое постижение природы, которое как мощное и широкое «космическое чувство» насыщает его гималайские произведения.

Позднее создается знаменитая картина «Вестник»: женщина открывает двери храма и, изумленная, с замиранием сердца видит вестника в восточном одеянии. В фиолетовом пространстве сияют горные дали. Утренняя заря коснулась снежных вершин.

Эту картину Рерих посвятил памяти Елены Петровны Блаватской, основательницы теософского движения, и принес в дар Адьяру для основания ее музея.

Мотив вестника встречается и в других картинах Рериха: «Ойрот — вестник Белого Бурхана», «И Мы открываем врага», «Святые гости» и пр.

51. Рерих известен не только как выдающийся мастер живописи, но и как провозвестник и водитель культуры, неустанно и мужественно сражавшийся за возрождение и внедрение понятия культуры в сознание народов, за охрану культурных ценностей.

Наша эпоха нередко нивелирует, даже пятнаст изначально, сокровенное понятие культуры. Западное сознание зачастую смешивает культуру с цивилизацией. В то время как культура основывается на кристаллизации духовных ценностей человечества, цивилизация охватывает жизнь в ее общественных и материально-технических формах. В развитии культуры Рерих различает следующие ступени: невежество, цивилизация, образованность, затем интеллигентность,

духовная утонченность и лишь после этого человек обретает способность к синтезу и высокую культуру. Ведь можно быть образованным, но все же некультурным. Для того, чтобы стать культурным, нужно обладать расширенным и этически утонченным сознанием, знать смысл жизни и свое назначение, искренне служить эволюции своего народа и человечества. Итак, культура для Рериха — самое высокое, самое чистое и широкое звучание всей гаммы человеческой сущности.

52. Для Рериха изначальный, чистый смысл культуры — служение Свету.

«Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце».

«Работник Культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорек на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество».

Нитями сердечными объединены работники Культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся».

53. Николай Рерих призывает созидать только во имя этой тонко и сокровенно понятой Культуры, насыщать, одухотворять свою жизнь ее творящим и вдохновляющим Светом.

«В новых открытиях современности много дано человечеству. Люди полетели, растворяя условные границы. Но с какою же вестью? Люди послали свой голос через безбрежные пространства, но каков этот зов? <...> Мы имеем право облегченно создавать лишь во имя великой будущей Культуры».

И нет такого черствого человеческого сердца, которое бы не смягчилось перед понятием Культуры».

54. Рерих хотел бы жить в стране великой культуры, где уважают и творят мир, где почитается истинная красота и подлинная наука.

«В какой стране предпочтете жить? — Конечно, в стране Культуры.

Ваши лучшие помыслы чему вы принесете? — Культуре.

Чему вы посвятите ваши просвещенные труды? — Конечно, Культуре.

Чем вы обновите ваше сознание? — Победным светом Культуры».

55. В понимании Рериха, истинная культура является великой объединяющей силой, которая строит мост через океаны, соединяющий человеческие сердца. Поэтому Рерих неустанно призывает к единению и дружелюбию во имя культуры, и прежде всего — самих деятелей культуры. Ведь именно в сердечном, дружном единении могут расти строения, достойные Будущего. В своих письмах друзьям он вновь и вновь призывает укреплять единение, как краеугольный камень прогресса и созидания:

«Требуется необычайное единение всех культурных сил. Будьте и Вы все крепки и объединенны».

«Единение до крайности необходимо, и, чтобы сохранять его, нужно напрочь всю находчивость».

56. Естественно, из всех областей культуры для Рериха самым близким является искусство. В неустанном творчестве и трудах, можно сказать, всей своей жизнью и сущностью Рерих истинно выявлял себя как пророк Красоты, утвердитель великой эволюционной миссии искусства.

Рерих желал, чтобы искусство вошло в широчайшие народные массы, чтобы огонь творчества наполнял сознание

народа самыми возвышенными звуками, красками, образами. Ведь первейшая задача искусства — пробудить и возвысить сознание народа и человечества.

«Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата “священного источника”. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем».

Рерих убежден, что истинное искусство ведет к возвышению уровня всей жизни, к возрождению и подвигу. В статье о Льве Толстом и Рабиндранате Тагоре он выражает признательность великим творцам красоты, которые насыщали человеческие создания светом:

«Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание и приказы о вечных основах жизни! Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что удушено будет каждое живое дыхание».

57. Истинно, не только в искусстве Рерих выразил великую реальность и философию жизни. И в своих культурных принципах он — деятельный строитель, который каждое новое познание стремится тотчас осуществить в жизни. Примечательно, что в 1923 году он сказал по поводу одного знакомого:

«Он всегда настаивает на том, что он мечтатель, а должен он сделаться строителем и воином. Не мечта, но сознание и действие. Растите его в этом отношении».

В другой статье он говорит о самом себе и своих единомышленниках: «Не потрясатели ли мы? — В постоянных трудах мы не имеем времени для потрясений. Мы строим. В положительном утверждении и познании мы стремимся улучшить и украсить жизнь земную».

«Каждое строение есть умножение блага.

“Когда постройка идет — все идет”».

«В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит!»

«Везде, где есть хотя бы зачаток строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Да живет строение прекрасное».

58. Идею строительства Рерих вкладывает в одну из первых своих картин «Город строят» (1902), решенной в золотистой, звучной цветовой гамме. Соборно, всем миром, с энтузиазмом трудятся древние славяне, возводят высокий, до неба, деревянный город с многими башнями. Та же идея в картинах «Строят ладьи», «Варяжский путь» — волокут волоком ладьи из одной реки в другую, прокладывая путь «из варяг в греки».

Знаменательно, что и любимого русским народом подвижника Сергия Радонежского Рерих изображает не как ушедшего от жизни отшельника, но как строителя, который в лесной чаще обтесывает бревна — закладывает основы своей будущей общины.

59. И на общественном поприще Рерих стремится воплотить задуманные идеи в величественные, грандиозные солнцеподобные строения. Если до революции он был видным

общественным деятелем: директором художественной школы, педагогом, воспитателем, председателем обществ и комиссий, писателем и ученым, находящимся на гребне всех актуальных проблем искусства и культуры, то в последующие годы его деятельность только расширилась.

Рерих и за границей становится широко известным как выдающийся организатор, ведущий чрезвычайно многоплановую, активную деятельность. Об этом прежде всего свидетельствуют культурные учреждения, общества, музеи, носящие его имя во многих странах мира.

60. В 1923—1928 гг. Рерих руководил научной экспедицией, которая прошла по Индии, Гималаям, Тибету, Китаю, Алтаю, Монголии и через Тибет вернулась в Сикким. Нередко экспедиции приходилось противостоять в пути не только суровым силам природы, но и гораздо более жестоким, деспотическим и невежественным местным властям, державшим экспедицию несколько месяцев под арестом, зимой, в занесенных снегом неоттапливаемых палатках. Тогда погибло несколько членов экспедиции и умерли от голода почти все караванные животные. Но среди всех испытаний Рерих не теряет стойкости. Среди этих тягот он жил в величайшем напряжении духа, мыслил о великой Красоте и посылал приветствия деятелям культуры, делал путевые заметки, лаконичные, точные, полные зорких наблюдений и разносторонних сведений, писал прекрасные картины, одну за другой. Итогом экспедиции стали не только археологические и научно-исследовательские труды, но и сотни картин, в которых палитра Рериха воссияла в высшем благозвучии колорита и идей. В поэзии пустыни, в тибетских постройках, в снежной обители Гималаев, в сердечном соприкосновении с путниками, в народных традициях и легендах — всюду его зоркий глаз находил искры и звучания прекрасного и вплетал

их в радугу своего искусства. Отметим и вторую экспедицию Рериха 1934—1935 гг. в Маньчжурию и Монголию.

61. Кроме художественного вдохновения, Рерих во время экспедиции раскрывает качества, тающиеся в его характере с юности, — он проявляет себя бесстрашным ученым-исследователем, способным не только организовать работу научной экспедиции, но и создать ряд сильных и самобытных книг, описаний своего путешествия — «Алтай — Гималаи», «Сердце Азии», «Врата в Будущее», «Нерушимое» и пр. Художник и ученый соединились в нем органически, подобно тому как в природе соединяются правда и красота.

62. В результате своей первой экспедиции, в 1928 году, в Гималаях, в горном поселке Наггар штата Пенджаб, Рерих основал международный научно-исследовательский институт «Урусвати». Здесь он вместе с семьей жил до конца своих дней, до 1947 года, временами путешествуя.

Индия становится для Рериха второй родиной. Глубоко познав нравы, душу и культуру народов Востока, Рерих постепенно делается своим среди них. Индусы считают его членом своей семьи. Его друзьями были Рабиндранат Тагор, Джавахарлал Неру, Джагадис Боше и другие выдающиеся умы. В очерке «Пандитджи» он упоминает, что в 1942 году, в самые тяжкие дни мировой войны, неделю у него гостил Неру со своей дочерью Индирой. Дом Рериха в Наггаре становится культурным центром, где собираются видные ученые и деятели культуры. Ведь здесь живет и его супруга, Елена Ивановна, прекраснейшая женщина великого, возвышенного, утонченнейшего духа, автор многочисленных научно-философских трудов, его сыновья — Юрий, всесторонне образованный ученый, один из лучших знатоков древней культуры и восточных языков, и Святослав — видный художник, портретист, знаток и исследова-

тель древнего искусства и местной фармакопеи, опытный ботаник и орнитолог.

Исследовательский институт «Урусвати» развивает самое широкое сотрудничество с научными и культурными учреждениями Индии и других стран, с университетом Тагора в Шантиникетоне, с которым обменивается опытом в исследованиях древних восточных культур и философских учений. Не только Индия относится к Рериху с глубоким уважением, но и другие народы Азии, которые он сумел покорить своим великим гуманизмом, сердечностью, пониманием, обращением по их сознанию. Посол Цейлона в Советском Союзе Малаласекера в своей речи в день открытия выставки картин Николая Рериха в Москве, в 1958 году, сказал:

«Всюду, куда бы он ни ходил по Азии: в Индии, Тибете, Ладаке, Сиккиме и Бутане, в Центральной Азии и Монголии, везде его встречали со знаками особого почитания, доверия и любви, редко оказываемыми чужестранцам в этих краях».

VII. Борец за мир

63. Провозвестник культуры, деятельно вносивший ее принципы в жизнь, Николай Рерих известен и как пламенный борец за мир. Всю жизнь он таил в сердце мечту об установлении прочного мира между людьми. Но он был убежден, что победа мира должна идти рука об руку с возрождением культуры.

Еще в дореволюционные годы Рерих неоднократно пишет о необходимости защиты культурных ценностей и памятников старины. В 1903 году он делает доклад по этому вопросу в Обществе архитекторов в Петербурге, а в 1914 году обращается к царскому правительству с конкретным проектом, но военные действия того времени помешали проведению его в жизнь.

Мечта Рериха начинает осуществляться лишь в тридцатые годы. После возвращения из экспедиции, в 1929 году он публикует в печати проект Пакта Рериха. В 1929—1930 гг. в Нью-Йорке и Париже были основаны комитеты Пакта Рериха и Знамени Мира по защите культурных памятников человечества. Идея Пакта Рериха созвучна предложенной швейцарцем Анри Дюнаном идее международного Красного Креста — символа великого человеколюбия, который призван охранять раненых и больных во всем мире.

В 1931—1933 гг. были созваны три международные конференции Пакта. В работе последней конференции, в Вашингтоне, приняли участие представители 36 стран. В 1935 году Пакт Рериха был принят США и государствами Южной Америки. Пактом заинтересовались главы и некоторых стран Европы и Азии. В 1948 году к Пакту присоединилась Индия. В 1954 году Межправительственная конференция, созванная по инициативе ЮНЕСКО, приняла Международную конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Наряду с другими странами, конвенцию ратифицировал и Советский Союз.

64. Будучи свидетелем двух мировых войн, Николай Рерих, как художник и ученый, глубоко переживал не только трагизм гибели миллионов людей, но и разрушение древних городов и других культурных ценностей, сознавая, что вечные знаки духа, воплощенные в творениях человеческого гения, так же как погибшего человека, воскресить невозможно. Ведь у самого Рериха не только во время войн, но и в мирное время были уничтожены многие произведения, среди них эскизы декораций для балета Стравинского «Весна священная» и пьесы Метерлинка «Сестра Беатриса», «Ункрада», «Керженец», «Казань» и пр. Таким образом, до самого последнего времени неизвестно, что осталось от его громадного творческого наследия, насчитывающего около 7000 произведений, рассеянных по всем частям света, музеям и частным коллекциям. Вторая мировая война беспощадно смела с лица земли еще больше ничем незаменимых культурных ценностей, даже целые прекрасные старинные города. Потому и неудивительно, что именно у Рериха болит сердце о спасении сокровищ культуры от варварских посягательств, которые все еще повторяются.

65. Для обозначения культурных объектов, нейтральных и подлежащих охране как в мирное, так и в военное время, по эскизу Рериха было создано Знамя Мира: на белом фоне малиново-красная окружность с тремя кругами такого же цвета посередине. Знак Знамени Мира символизирует единство науки, искусства и религии в круге культуры. Согласно Пакту Рериха, Знамя должно быть поднято над всеми выдающимися учреждениями культуры, искусства и знания, над всеми памятниками. Культурные ценности человечества должны считаться нейтральными и в военное время подлежать особому покровительству со стороны государств, подписавших Пакт Рериха.

Знамя Мира предназначено не только для охраны памятников, оно имеет целью и повседневную пропаганду культуры. Развешаясь над культурными сокровищами каждой страны, Знамя должно стать как бы символом совести человечества, своеобразным международным дозором, вечно бодрствующим над творческими достижениями человеческого гения. Таким образом, Знамя призвано постоянно напоминать о неприкосновенности сокровищ культуры и духа, о том, что подходить к ним нужно с должным уважением и бережностью как в общественной, так и в частной жизни. Так Знамя Мира может иметь и большое воспитательное значение, особенно для молодого сознания.

66. Помимо всего, задачей Знамени Мира является содействие утверждению идеи мира, братства и взаимопонимания людей и народов, единства и сотрудничества всех культурных и творческих сил.

Девиз Рериха, которым он руководствовался в своем творчестве, — «Мир через Культуру». Он был глубоко убежден, что именно тесное и сердечное взаимопонимание и сотрудничество людей на поприще культуры, искусства и науки мо-

жет упрочить настоящий, длительный мир, ибо незыблемый мир должен расцвести из глубин человеческого сердца, из энтузиазма, радости, восторга перед всем возвышенным и прекрасным.

67. Именно на высокую, творческую красоту истинного искусства Рерих возлагает величайшую надежду, что она принесет мир и единение человеческим сердцам. В своих статьях Рерих нередко подчеркивает объединяющую силу искусства. Его девиз: «Искусство объединит человечество». Подобно Шиллеру, Рерих утверждает, что только искусство способно восстановить единение между людьми и даже объединить все человечество.

68. Само слово «Мир» (которое он нередко, так же как и слово «Культура», пишет с заглавной буквы) для него настолько возвышенно и сокровенно, что он призывает людей повторять его как утверждающую формулу, молитву сердца.

«По газетам видно, — пишет он в письме одному сотруднику, — что это слово должно быть повторяемо вроде мантрама — уж очень велико напряжение».

«О мире, о неубийстве приходится говорить. Что же это такое? Неужели все тысячелетия не научили людей тому, что заповедано всеми скрижалями? Но что же видим? Чем дальше, тем неотступнее нужно твердить о сущности мира. Где же тут эволюция, если грозная пушка уже наведена и смертный яд сеется безумно».

69. У Николая Рериха имеется ряд картин, в которых он символически утверждает идею высокого назначения мира. Известны его «Мадонна Орифламма», где Мадонна изображена с развернутым Знаменем Мира в руках, и «Sancta Protectrix» («Святая Покровительница»), своим широким плащом укрывающая бесчисленные храмы и памятники культуры.

VIII. На вечном дозоре

70. Именно в неустанной борьбе за мир выявляется огненное качество Рериха — воинствующий дух. Рерих — это олицетворение дисциплины и гармонии, выразитель всего благого и прекрасного, провозвестник мира и строитель культуры, во всей своей многогранной деятельности показывает себя пламенным борцом. Он сражается не только за осуществление культурных планов и замыслов, за очищение понятия культуры в сознании человечества, но его боевой меч направлен прежде всего против тьмы в человеческом сознании, против антикультурных, антиэволюционных явлений. Именно, против худших свойств человеческого сознания: тупости, невежества, нетерпимости, сектантства, догматизма, которые тормозят прогресс и пытаются погасить каждый проблеск света и импульс к восхождению человечества, — против всего того, что Рерих называет преступлением.

71. Так Николай Рерих, во всей сущности своей многогранной деятельности, прямо или косвенно, принадлежит к числу великих борцов за истину. В своих сочинениях он прославлял качества воителя: героизм, мужество, бесстрашие, дерзновение, самообладание, гуманизм, терпимость, великодушные, чувство справедливости. Эту высокую гамму качеств Рерих воплотил в характерах героев своих картин.

подчеркивал в письмах и сам проявлял в жизни. В стихотворении «Вижу я!» он учит мужественно держаться в битве до конца:

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.
Оружье мое было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
что блеском цветов ты отвлекся.
Если мы встретим врага,
ты битвой, мальчик, зажгися,
в близость победы поверь.
Глазом стальным, непреклонным
зорко себя очерти,
если битва нужна,
если в победу ты веришь.

72. В 1912 году Рерих создал картину «Меч мужества»: стражникам, уснувшим у врат старого замка, вестник приносит огненный меч. Картина написана в предчувствии грозной мировой войны. Рерих предупреждает хранить мужество и быть готовыми к опасностям и бедствиям. Мотив борьбы время от времени появляется в работах Рериха, таких как «Бой», «Змиевна», «Александр Невский поражает ярла Биргера», «Сеча при Керженце», «К подвигу», «Огни победы», «Партизаны» и пр. Мощным накалом битвы насыщена картина, посвященная легендарному тибетскому герою Гэсэрхану. Характерно, что в двух картинах «Бой» (1906) и «Небесный бой» (1912) изображена мощная битва облаков, битва между светом и тьмою, и ощущается перевес света — победа солнечной зари.

73. Ратуя против военного безумия, приносящего невыносимые страдания, Рерих в то же время напоминает, что оборона родины — священный долг каждого человека.

«Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно — в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к родине было бы прежде всего некультурностью. <...>

Защита Родины есть и оборона культуры».

«Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. <...> И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспейнии всенародном».

«Пусть в обновленной кузнице мужественно куется меч обороны и плуг труда!»

«Знаем, что на каждой пяди земли можно служить самому драгоценному, самому священному.

Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения». Так Рерих, в начале второй мировой войны, с великой болью в душе и с истинной заботой пишет о России. Ибо он не только любит ее, но и всем сердцем верит в победу своей Родины и ее героическое строительство Будущего.

«...Русский народ нашел свое русло и мощным потоком устремляется в свое светлое будущее».

74. Знаменательно, что в 1942 году Рерих создаст пылающую тревожным золотистым заревом картину «Поход Игоря». Несмотря на явно зловещий знак — полное затмение солнца, русские воины, повинувшись священному долгу, идут в бой с верой в победу. А в 1945 году, в год Победы, он создает «Весну священную». Это не только русская весна, это — три-

умф всего человечества, дожившего до окончания войны. Девушки кружатся в хороводе, украшенные венками из одуванчиков, в центре их — избранница с гирляндой так же весенне-золотистых цветов, руки и взор ее устремлены к солнцу. Юноши играют на свирели, в общем действе участвуют и старцы. Праздник вечного обновления, природа в весеннем уборе из желтых цветов, в юном ликовании устремляется в радужную даль.

75. Как на картине «Огни победы» (1940), в ночной темноте, мощное пламя горит на сторожевых башнях, предупреждая народ о приближении врага, — так Рерих в статьях и письмах вновь и вновь призывает сотрудников стоять на дозоре в жизненных битвах, чтобы никакая опасность не застала их врасплох.

«Оборона нужна не только когда видимый враг наступает, но постоянно. В этом смысле я очень радовался, когда Юрий во время нашей последней экспедиции устраивал дозор, все время говоря: “И мы и все наши сотрудники должны привыкнуть, что дозорность необходима всегда”».

«...Неустанный священный дозор нужен всюду, где дело идет о добре, о сотрудничестве, об устремлении к высшим светлым Началам».

«Будьте на самом зорком дозоре и прилагайте ко всему, начиная от частной жизни до общественных проявлений, величайшую осмотрительность».

«Насколько необходим священный дозор во всех проявлениях жизни! Следует приучать себя жить в опасности, но того не разумсют. Жизнь есть битва и преуспевание».

76. Николай Рерих призывает к вечному дозору не только в отношении восхождения мира и благополучия всего окружающего, общества и народа, но прежде всего к заботе о своем сознании, о безукоризненном качестве мыслей и чувств,

о высокой нравственной позиции, о дисциплине и солнце-подобном порядке жизни.

Рерих пламенно верит в сокрытую в человеке мощь блага, в его способность к совершенствованию, но знает, что надо высекать из человеческой души возвышенные искры света. Ведь задача человека — неустанно и сознательно становиться лучше, усовершенствовать себя, чтобы лучше служить всеобщему счастью.

«...Делайтесь все большими, замечательными, истинными строителями народного достояния. Да будет».

Рерих советует избрать высшую цель в жизни и ею мерить все свои повседневные поступки. «Получив доступ к Высшему, не займитесь низшим».

77. Такую высшую целесообразность, закон золотой соизмеримости Рерих сам осуществляет в жизни.

Каждый, кто знакомится с деятельностью Николая Рериха, изумляется его колоссальной работоспособности. Его близкие рассказывают, что он мог трудиться и днем и ночью. Утром поднимался рано, вечером уходил спать позже всех. Поэтому не случайно он оставил наследие, достойное титанов духа: тысячи картин, сотни статей, которые далеко не все собраны в книги, записки и дневники, обширную корреспонденцию, грандиозные общественно-культурные идеи и начинания.

При всей своей непомерной загруженности Рерих никогда не показывал, что он устал. Он не знал отдыха в общепринятом понимании. Отдых для него — в перемене труда. А труд — истинный праздник:

«Впрочем, и для Вас не существует летнего и зимнего времени. Поистине, есть одно время — время рабочес. В нем — будни и праздники. Велика радость, что и так называемые праздники являются прекрасными часами работы».

«Ни часа покоя, труд самый неистощимый».

«Радуемся, что Вы так заняты. Но громада дел пусть не подавляет Вас, но дает новые возможности».

«Единственное, что надо ему усвоить — это быстроту и подвижность работы. При желании это вполне достижимо».

«"Надо уметь заполнять время", — говорит Николай Рерих и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута полезно заполнена» (Н. Грамматчиков).

78. Молодому художнику Рерих так советует развивать деятельный ритм работы:

«Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой — для технических выполнений. Третий — для эскиза. Четвертый — для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное, чтобы родник его не иссякал».

«Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света, или звук, или порыв ветра зажжет его».

* 79. Вечно спешить в пламенном устремлении сердца, в сотрудничестве на благо человечества — таков ведущий мотив произведений, писем и всей жизни Рериха.

«Очень просим всеми силами поспешить... Во всех отношениях сейчас важен каждый день, если только не каждый час. Бывают также обстоятельства, которые удаются лишь в определенное время и повторить которые уже невозможно».

«...Вы весьма мудро отмечаете необходимость спешности... Действительно, всякая спешность нужна».

«Величайшая спешность во всем нужна».

«Устремленность и спешность всегда нужны, а сейчас в особенности». «Во всех делах теперь приходится спешить, как никогда».

«По моей привычке все полезное не должно быть отложено».

Так без конца можно цитировать из писем и статей Николая Рериха о «спешности часа».

80. Поистине, деятель культуры, и особенно художник и поэт, по самому своему призванию несущий в душе пламя вечной молодости и красоту творчества, должен слышать в сердце огненный пульс эпохи и воплотить его в своих трудах, и неуклонно стремиться стать в первые ряды огненосцев эволюции человеческого духа.

Друзья Рериха изумлялись дисциплине его духа и огненной, героической преданности идее, к осуществлению которой он шел в неустанной творческой концентрации и напряжении, поверх бесчисленных, часто почти непреодолимых трудностей жизни. Но не менее достойной удивления была его устремленная деятельность организатора и руководителя культурных учреждений. Книга «Держава Света» останется в истории культуры как документ о трудах всесторонне эрудированного, мудрого и прозорливого Водителя Культуры.

81. Рерих, как дух воинствующий и неотступный, вызывал против себя немало вихрей противодействия и ненависти, иногда такие препятствия, которые только огненный дух был в состоянии превозмочь. Ибо каждый выдающийся человек, обладающий мощным духовным магнитом, не только пробуждает в людях благие, добрые чувства, но и вызывает противостояние стихии тьмы и предательства. Потому Рерих за свою жизнь пережил не один час одиночества, даже катастрофы.

Несомненно, сердце мастера болело за погибшие картины, и такая их судьба повторялась неоднократно. Картины,

созданные в 1903 году в паломничестве по древним русским городам, в Америке были конфискованы и распроданы, несколько десятилетий спустя такое же несчастье постигло новую большую коллекцию его картин в Нью-Йорке. Также некоторые грандиозные культурные учреждения пришли в расстройство или были разрушены. Но вместо них друзья Рериха воздвигали новые дворцы света и музеи. И принятие Пакта Рериха в международном масштабе задержала вторая мировая война. Сколько страданий приносили несправедливые нападки, угроза его Родине со стороны милитаризма и, наконец, охвативший Запад военный психоз.

82. Кто знает, не чувствовал ли Николай Рерих себя на исходе жизни подобно герою своей картины «Бэда-проповедник» (1945), которому пришлось возвестить истину камням, ибо только они внимали огненной вести. Чудесно выделяется здесь белый силуэт слепого Бэды на фоне пурпурного неба, окрашенного лучами заходящего солнца.

О сюжете этой картины Рерих говорит: «Каждый из нас помнит прекрасную поэму “Бэда-проповедник”, когда камни хором грянули ответ на его зовущее слово. Если камни могут согласиться и стройным хором утверждать что-то, то неужели люди будут ниже камней? Будут в состоянии лишь ссориться и противоречиво болтать ненужные вещи?» «Но поэт “Бэды-проповедника” отвечает космической бодростью:

Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он, от края до края
“Аминь” ему грянули камни в ответ».

83. И все же Рерих всегда, до конца жизни, остается оптимистом. Ни на мгновение он не теряет равновесия духа и наступательного ритма, даже в кажущиеся трагическими минуты, но всегда ищет новые, лучшие возможности, из

любых, даже самых сложных обстоятельств пытаюсь найти выход и даже извлечь пользу. В таком духе он всегда ободрял своих сотрудников, вдохновляя их на героические достижения.

«...В каждом препятствии заключена и какая-то возможность — лишь бы усмотреть ее».

«Было бы заблуждением полагать, что какие-то пути уже исчерпаны. Это была бы самая вредная иллюзия, потому что сама жизнь постоянно нас учит, как многообразны ее обороты и возможности».

«...Для стоящих перед Беспредельностью не может быть ничего невозможного, как бы ни казалась трудна очевидность».

84. О Николае Рерихе друг его жизни и соратница, Елена Ивановна, рассказывает, что он не боялся никакой борьбы и даже любил ее, ибо считал, что препятствия и трудности просто необходимы. Они воспитывают нас и закаляют бойцовский дух, испытывают наши способности и силы и дают опыт для новых жизненных достижений.

Рерих, как сторонник стремительного восхождения, благодарен и своим самым тяжким и враждебным сотрудникам, даже противникам, ибо они помогли ему обострить зоркость, находчивость, выдержку и дисциплину духа. В своих статьях он выражает похвалу врагам: «Спасибо вам, враги и преследователи. Вы научили нас искусству находчивости и неутомимости. Благодаря вам мы нашли такие прекрасные горы, где залежи руд неисчерпаемы».

85. Каждый подвиг жизни, направленный на благо человечества, сообщает мышлению человека напряженный, мажорный настрой, дает внутреннюю радость. Исполнение долга поднимает его сознание на неизмеримые высоты духа, и оно сливается с великой радостью бытия или космической

эволюции. Это космическое звучание в огненном сердце не исчезает никогда, даже во время болезней, преследований, гонений, оно зажигает сияние в глазах и увлекает в приливе новых сил. Такая радость возносит поверх личных удач и неудач. И как же не радоваться сердцу человека об эволюции своей жизни и бытия, о будущем человечества, беспредельности звездного неба над головой, озаряющего гармонией чувств. Ведь он, пребывая в благом ритме совершенствования, знает, что пройдут и болезни и горе, но искры духовного ликования, рожденные в сердце, останутся навеки и дадут новые силы для жизненной битвы.

86. Рерих вновь и вновь призывает молодежь к оптимистическому настрою жизни, к истинной радости сердца, к радости, как высшей мудрости. К той радости, которая выводит из полумрака, из тьмы сознания, делает человека истинно достойным сотрудником будущей Державы Света...

Девиз Рериха — «Пылайте сердцами и творите любовью».

IX. Видения Грядущего

87. Каждая добрая мысль, каждое восхищение перед прекрасным, каждый луч творческого вдохновения пробуждает в нас космические струны; они — как зов к Красоте Будущего планеты. Так в Рерихе через все земные вещи, через аккорды прошлого и настоящего все чаще звучит симфония человеческого братства и света подвига.

Ясновидящий глаз Рериха, как творца, через все эволюционные явления созерцает сияние Утренней Зари человечества, эры Света, где люди будут освобождены духовно и социально, где будет царствовать культура, а не цивилизация со своим человеконенавистничеством и вечными войнами, где, наконец, благодаря расцвету науки усовершенствуются машины и постепенно их заменит сам человек, его энергетические аппараты, или нервные центры. Этому светлomu Завтра Рерих целиком посвящает себя и стремится воплотить Грядущее планеты хотя бы в своих произведениях. Это Завтра для него — мера всех вещей и веха прогресса.

88. Яркое воображение и предчувствие художника иногда выражаются в его творчестве как символические пророческие картины будущего. В 1912—1914 гг. он создал так называемый пророческий цикл картин, предрекающий страшную катастрофу человечества — первую мировую войну. «Крик

змия» — змий выполз из темных расщелин скал и кричит, радуясь предстоящему кровавому пиру. «Зарево» — на фоне клубящихся облаков, освещенных заревом, возвышается необычный средневековый замок, в окнах которого отражается зловещее пламя. Перед замком, как символ предупреждения, стоит рыцарь с огненным мечом в руках. «Град обреченный» — громадная огненная змея сковала своими страшными кольцами гордый, могучий город. «Дела человеческие» — апокалиптические старцы на высокой горе с пророческой скорбью взирают на город, лежащий в руинах у их ног, — трагическое последствие человеческого безумия. «Короны» — три короля присягают на мечах, но высоко в небе уже улетают три розовых облачка в форме короны, символы трех когда-то могущественных империй, распавшихся в результате войны. «Ангел Последний» — грозная кара небес, вестник судного дня держит в руке копьё среди пламенеющих облаков и земли, охваченной огненной стихией.

89. Но как только вспыхнула мировая война во всем пламени безумия и ненависти, Рерих, как противопоставление страданиям, стихиям уничтожения и разрушения, создает ряд полотен, изображающих благое созидание, возрождение и исцеление. Эти картины исполнены чаяния гармонии нерушимого мира и творческого света. Одаренный художественной интуицией, Рерих живет в будущем, на много лет вперед устремляясь из мира причин в мир следствий. Так среди разрушительной ярости войны он начинает создавать новый цикл «Героика» — свой Новый Мир, осененный созидательным светом святых подвижников.

90. Такой строительный, мирный настрой выражает, к примеру, созданная в 1916 году картина-легенда «Три радости» — русское народное поверье о трех любимых духовных подвижниках и заступниках, которые помогают небогатому,

но добродушному и поэтому счастливому крестьянину: «Сам Святой Егорий коней пасет, сам Никола Чудотворец стада уберег, а сам Илья Пророк рожь зажинает». Рерих создал чудесную идиллию крестьянского двора, одаренного благополучием и красотой благодаря благословению святых гостей.

91. Обладая душой вечного странника, Рерих в своих картинах выражает очень близкую для себя тему — сокрытую в глубинах человеческого сердца мечту о лучшем, возвышенном, новом. «Люди ждут необычного».

92. Эту сокровенную мечту человеческого сердца по чудесному, по силе красоты, что могла бы мгновенно преобразить и возродить бытие, которая, быть может, касается порога нашей жизни, но, незамеченная, проходит мимо. Рерих выразил в стихотворении о неизвестном певце (и в картине «Неведомый певец», созданной в 1920 году, — в золотистом тумане моря, по заливу, мимо скал, плывет лодочник):

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.
Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.
И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.

Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть,
нам?

Кто этот неизвестный певец, который каждое утро будит людей и наполняет сердца новой силой веры и надежды? Быть может, «Король темного чертога» из драмы Тагора, который постоянно заботится о всех своих подданных, всюду присутствует, но остается невидимым, ибо узреть его можно только глазами сердца. Это — символ лучшей, просветленной, героической сущности человека.

93. В творчестве Рериха часто повторяется мотив прекрасного образа Сольвейг — чистой, благородной девичьей души, вечно ждущей возлюбленного — воплощение мечты, великой радости сердца, того, кто принесет возрождение и придаст ее жизни смысл.

«У рубежа» (1913) — на взгорье девушка внимательно смотрит вдаль, на горизонт, где небо и земля сливаются в сине-фиолетовой мгле. Быть может, там крайний предел, за которым начинается совсем иная жизнь? Кто знает? Даже воздух кажется насыщенным невыразимым трепетом устремления.

94. «Вечное ожидание» (1917) — три человека в белом одеянии, на рассвете, сидят на берегу фиорда, взирая на тихие, зеркальные воды, и чего-то ждут. В другом варианте темы — «Ждущая» — изображена одинокая девичья фигурка. Возможно, ее сердцу кажется, что в любой момент перед нею откроется самое большое событие ее жизни.

Показательно, что Николай Рерих повторил эту картину через двадцать пять лет. Девушка всей своей сущностью сосредоточена в ожидании. Первый луч солнца коснулся ее

фигуры. Сердце Сольвейг ведаёт, что дождется жданно-нежданного, пусть через долгие годы, и поэтому она полна солнечного порыва. Золотисто-розовые тона восхода солнца, придающие картине просветленный гималайский колорит, делают ее одной из самых привлекательных в наследии Рериха.

95. Мотив ожидания встречается и в других картинах Рериха первого периода. «Сог ardens» («Пылающее сердце», 1918) — из окна замка женщина смотрит на далекую лодку на озере. Вся она, как белос пламя, устремлена навстречу сверкающим водам. Кто знает, может быть, вместе с лодочником придет к ней весть, которая преобразит все ее бытие.

«Властитель ночи» (1918) — на фоне золотистых тонов шатра девушка на коленях всматривается в раскрытый проем, где тайной насыщено пространство, где в сумерках лежат синие воды залива и дальние скалы. Она охвачена ожиданием высшего озарения и силы, которая освободила бы ее духовно и социально.

«Зов» (1919) — на скалистом пустынном берегу воин, опираясь на лук, внимательно слушает, не прозвучит ли с того берега зов.

96. В эту серию входят и полотна, где художник изображает свои персонажи ожидающими или внешнеющими «знакам будущего», «вести свыше».

«Веления неба» — люди в старинных одеяниях воздели руки к небу, где проносятся красно-радужные вереницы облаков, и, преисполненные чудесных предчувствий, внешнеют небесному приказу. Этот космический настрой дополняет серо-пурпурная таинственная дымка, поднимающаяся над горизонтом и холмами.

«Знамение» — на горе, среди переливов радужных красок пестрых цветов и вереска, стоит юноша, и будто в великом

изумлении смотрит вверх, где проплывают над ним дивные, причудливые облака. Все вокруг сверкает в просветленной гамме.

97. «Мост Славы» — великий русский духовный подвижник, Сергей Радонежский, идет навстречу Будущему, поднимаясь в гору, над ним сверкает, переливаясь красками, мощное северное сияние, предвещая духовный мост между настоящим и Грядущим, озаренным всеми возможностями эволюции.

98. Вся эта символика ожидания будущего обретает еще более яркую и конкретную форму, когда Рерих соприкасается с восточной психологией, с духовной жизнью народов Азии.

Рерих с чуткостью художника понял священные мечты восточных народов, и в Тибетской экспедиции дружелюбно относился к каждому человеку. Говоря по сознанию собеседника — его сокровенными словами, он открывал сердце азиата. Потому и тибетцы, и монголы, и индусы платили ему великим доверием и уважением и относились к нему как к одному из своих духовных учителей.

Рерих расслышал в душе азиата тоску по Новому Миру, по лучшей эре, которая осуществит его сокровенные надежды и идеалы, принесет как социальную справедливость, так и духовное пробуждение, возрождение лучших традиций духовной культуры. Но житель Азии всрит, что такое преображение может случиться неожиданно, внезапно, словно с появлением неизвестного вестника. Мы упоминали ранее, что у Рериха имеется ряд картин, в сюжете которых исполняются эти сокровенные ожидания и действительно является вестник Света.

«Встречаясь со скучною рутинною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы Азии,

вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью».

99. У Рериха есть две картины, символически повествующие о пробуждении национального самосознания народов Востока. «Сон Востока» (1920) — громадная голова былинного великана с монгольскими чертами лица, глаза полузакрыты, но веки, как при пробуждении, чуть вздрагивают. Все погружено в желтоватую предрассветную мглу. И вторая картина — «Явление срока» (1927), здесь тоже в радужной предрассветной дымке, в пустыне среди холмов, возвышается исполинская голова, лицом обращенная к востоку, глаза уже открыты. В этом ряду можно назвать и «Голос Монголии».

100. «В самые мрачные времена, среди тесноты недомыслия, особенно звучно раздавался ободряющий глас о великом Пришествии, о Новой Эре, о времени, когда человечество сумеет благоразумно и вдохновенно воспользоваться всеми сужденными возможностями. Каждый по-своему толкует этот Светлый Век, но в одном все одинаковы, а именно: каждый толкует его языком сердца».

101. Когда Рерих вслушивался в голоса Азии, ему казалось, что эти мечты, эти ожидания напряжены, и как события современности протекают стремительно, так и Новая Эра Азии подошла близко, и предчувствия должны скоро осуществиться.

«Время сокращено есть». «Воистину не было еще времени, сокращеннее нашего!» — «Сгущено время», «Коротко время», «Узко время» — на разных языках восклицают народы, трепеща от предчувствия, собирая вокруг чаяния своего лучшие символы. Без слов скажут, глазами укажут, как устремляется дух их к Тому Великому, которое предчувство-

вано всеми страданиями, всеми кострами, всем шепотом непонятого сердца. В чем и сознаться даже себе страшно, к мечте прекраснейшей открыт дух народный».

102. Мотив приближения чего-то могущественного, прихода новой, светлой эпохи особенно выражен в картинах тематической серии, находящейся в Нижегородском музее (1925–1926).

«Знамя Грядущего» («Песнь о Ригден Джапо») — на горном перевале в Гималаях, ранним утром, на скале висит тибетская танка (икона). Перед образом Владыки склонились молящиеся странники. Благоговение излучают их фигуры, быть может, кто-то повторяет мантрам — «Ом мани падме хум». Люди отдыхают от долгого, тяжелого перехода и проводят эти часы в размышлении, в духовных беседах об Эре Света. И кажется, что от их мыслей просветляются снега, скалы, само пространство.

«Шепоты пустыни» («Сказ о Новой Эре») — темно-синей ночью, в укрытии скал, у костра тибетцы углубились в беседу. Один оживленно рассказывает, подняв руки вверх в знак великого удивления. И не замечают они, что на темном фоне шатра возник силуэт всадника, озаренный красно-фиолетовым сиянием.

«Мощь пещер» — ламаистский пещерный храм, вырубленный в скалах. Причудливые стены, проемы, колонны словно из темно-желтой, коричневой слоновой кости, сияют, как в лучах утренней зари. Какие тайны духа, какие сокровища хранят эти горные пещеры? Внизу на камне сидит отшельник в мантии и желтой шапке, погруженный в созерцание. Смотрит вперед на высокую гору, на синем фоне которой скачет гигантский красный всадник. Кто знает, не выражает ли внешнее спокойствие отшельника высшую концентрацию, мощное напряжение духовной энергии, пламя

огненных мыслей на пользу человечества, которое неудержимо мчится, подобно всаднику на горе?

103. «Красные кони» — на синем фоне высокогорных снегов лама из рукавов своей мантии выпускает в мир красных бумажных коней. Четыре мчатся, каждый в свою сторону, последний еще в руке отшельника. А выше над ними — горная симфония скалистых хребтов, которые кажутся такими реальными. Что означают красные кони, часто повторяющиеся в полотнах Рериха этого периода? Образы благих мыслей, вестники новой эпохи счастья и братства?

В путевых заметках Рерих рассказывает об обычае лам, который он сам наблюдал. «В Ладаке... в ненастную погоду <ламы> всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие изображения коней в помощь страждущим путникам».

Нам, европейцам, такой обычай может показаться наивным, но ведь главное — сила мысли, одухотворенная сердцем, летящая на помощь неведомым.

Показательно, что в картинах Рериха часто повторяется еще один восточный мотив — «белые кони счастья». Сердце сокровенно и пылко ждет счастья. Но что же есть счастье?

104. Известная картина «Знаки Майтрейи» («Майтрейя Победитель») — девушка-горянка погрузилась в глубокую молитву перед высеченным на скале изображением Майтрейи. Взор ее обращен к востоку, где в небе, в радужных облаках образовался целый полк стремительных красных всадников. Образ девушки необычайно нежный, чистый, вся она — душа и чувство, вся — мелодия молитвы. Эта картина — не только гимн, но и героический эпос. Ибо в этой небольшой по размеру работе Николай Рерих выразил безмерно много, целую благословенную эпоху, свяшенно ожидаемую в воображении огненного сердца народов Востока.

Рерих создал ряд полотен, где изображены наскальные образы Майтрейи (согласно буддийским представлениям — Будды грядущего). В них выражена мечта народов Азии о приходе великого героя, который спасет человечество от духовного и материального рабства и даст новый гармоничный тон всей жизни, разбудит и воскресит, прежде всего, духовные силы народов Азии, потенциал которых огромен.

«Знаем, символ его Майтрейя, Меттейя, Майтри — любовь, сострадание. Над этим светлым знаком всепонимания, всевмещения строится великое будущее. <...>

Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло и весь славный ряд имен, многообразно выражающих то же самое сокровенное и самое сердечное устремление человечества».

«Век Майтрейи всегда указывался как век истинного сотрудничества».

К этой серии относится и картина «Калки Аватар» (по представлению индусов — будущий Спаситель Мира).

105. Своеобразное видение этого возвышенного понятия народом Горного Алтая Рерих выразил в картине «Ойрот — вестник Белого Бурхана». В сине-фиолетовую лунную ночь, у подножия горного ледника, перед белым сияющим всадником склонилась, закрыв лицо руками, юная девушка, ослепленная видением. Чуткая девушка сердцем поняла приближение Новой Эры, и эту радостную весть она понесет в долины — своему народу.

106. В сокровенном сознании народов Востока образ грядущего Владыки Мира кристаллизовался многообразно. Рерих изображает его в мощной и впечатляющей картине «Приказ Ригден Джапо» — на фоне скалы с уступами, напоминающей престол, объятый пурпурным пламенем, исполинский Властитель отдает приказы всадникам, устремленным

к спасению человечества... И кажется, что не восходящая заря, но великая мощь огненной ауры Владыки Шамбалы озаряет пространство оранжево-фиолетовым светом и воодушевляет воинов на подвиг.

С этой картиной перекликается полотно «Шамбала», напоминающее тибетскую икону, где изображен пламенеющий всадник на белом коне в окружении святых.

«Во имя того же светлого будущего лама, прослезившись, рассказывает о сокровищах и мощи великого Ригден-Джапо, который уничтожит зло и восстановит справедливость. К будущему ведут победы Гессар-Хана. На каждый новый год китаец возжигает свечи и молится Владыке будущего. <...> Если вы хотите прикоснуться к лучшим струнам человечества, заговорите с ним о будущем, о том, к чему, даже в самых удаленных пустынях, устремляется человеческое мышление. Какая-то особенная сердечность и торжественность наполняет эти устремления к преобразению Мира».

107. Николай Рерих написал ряд картин о популярном среди восточных народов легендарном герое Гэсэр-хане, вокруг которого веками витали их надежды и мечты: «Дружина Гэсэр-хана», «Меч Гэсер-хана», «Знаки Гэсэра» и т.д. Величественным завершением этого цикла является полотно 1941 года «Гэсэр-хан» — всадник в боевой готовности, натянув лук, посылает стрелу, подобную огненной молнии. От стрелка исходит волна пламенной энергии — мощь и устремление к подвигу, которая отражается в пурпурных облаках вечернего зарева.

108. Этот цикл картин, посвященных ожидаемому народами Азии великому герою, соприкасается с работами Рериха первого периода творчества, с серией «Мессия». На одной из картин изображена легенда о том, что Мессия явится на землю на белом коне, с мечом Света в руках, сияющим как

комета. Юноша, читая древние писания, видит в облаках образ Мессии, как отражение своей мечты.

109. Психология восточного человека, преданного высшим понятиям, его сердечная вера выражены в картине «Чудо. Явление Мессии» — семь фигур в белых одеяниях, склонившись в великом благоговении, ожидают пришествия мирового Учителя. Он еще не видим за каменным мостом, но чудесный свет Его ауры, сияющий как солнце, восходит над темным склоном. Это чудо — пробуждение и преобразование сознания.

110. Художественное кредо Рериха — преобразить очевидную действительность в красоту, в каждой вещи найти и пробудить лучшие качества, извлечь из глубин человеческой души героические, благородные, космические звуки. Это и есть «священные знаки» эволюции, «чудо», которое может преобразить человека и весь мир, и которое великие вожди и герои творили в своей жизни, в жизни народов и всего человечества.

«Мощь искусства... в его благой интуиции, — пишет Рерих. — Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. <...> Придите. Берите. Стройте. <...> И глаз мой вперед обращен». «Но как же перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды? <...> И вся жизнь полна этими великими знаками».

Х. Воинство героев Грааля

111. «Героикой» Николай Рерих назвал сюиту своих картин, но мотив героизма характерен для всего его искусства. Внутреннее содержание его картин в прямом и переносном смысле звучит как призыв к подвигу. Их названия, как девиз, запечатляются огненными буквами в сознании: «Звезда героя», «Лампада герою», «К подвигу»... Всадник, готовый к борьбе, напряженно ждет призыва к битве, всматриваясь в пламя пожара, бушующего в долине. Этот героический лейтмотив у Рериха звучит не только во имя освобождения человека от ига несправедливости и духовной темноты, во имя восхождения человечества, но и во имя эволюции всей живой природы, эволюции Космоса.

112. Первый подвиг — свою собственную жизнь преобразить в свет этической дисциплины и культуры, в красоту самоотверженности. И вместе с тем — присоединиться к всеобщему созиданию, к всенародному победному шествию мирного светлого труда.

Волнением весь расцветенный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.

Добрая вестъ, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.

Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:

подвиг!

113. Это — самое прекрасное слово в мире, которому Рерих учит своих сыновей. Его повторяют все герои его картин, не всегда в словах, ибо, будучи произнесенным, это великое понятие теряет свою благородную силу, но своей самоотверженной жизнью и трудом ради ускорения восхождения других.

114. Помогать живому человеку, тому кто страдает и в глубине сердца жаждет лучшего, взыскует света. Помогать человечеству, в котором, несмотря на непонимание и стихии страстей, еще горит тайная жажда любви, красоты, чистой, возвышенной культуры, жажда духовного. Помогать прогрессу планеты. Эту мысль Рерих высказывает в очерке «Боль планеты»: «Велика ответственность человеческая; не гордиться, но священно принять ее должно человечество».

115. Теперь время завоевания высших, можно сказать, космических принципов мировой эволюции. Час битвы между светом и тьмой. Борьбы за внедрение в человеческое сознание новой кооперации мира — во всех самых широких, строительных формах жизни.

У Рериха есть картина «Армагеддон» (Всемирная битва). На зловещем фоне города, объятаго огненным заревом и дымом пожара, движется вереницей толпа, охваченная паникой:

кто спешит, кто поднял руки в молитве, в поисках спасения, кто схватился за голову, а кто-то идет, смело глядя в лицо ужасу, за которым он предчувствует звон колоколов Победы Света.

116. Ныне открываются возможности для осуществления новых, грандиозных преобразований, новая эра строительства и кооперации. Космические возможности в науке, культуре, в духовных исканиях близки как никогда.

Николай Рерих, как сторонник утверждения добра, создатель в творчестве и в жизни, даже если в своих картинах пророчески предупреждает об опасностях, порождаемых безумием человечества, то никогда у этой темы не задерживается, ибо знает, что лучший бальзам от ран, нанесенных непониманием и невежеством, — возрождение культуры.

117. Персонажи полотен Рериха изображены в вечном движении, в творении блага, такими, каким был в жизни сам художник.

«Вы знаете, что мы не можем оставаться без движения. Или мы идем вперед, или отступаем. Во имя постоянного восхождения, во имя неутомимой битвы против всех зол невежества шлю вам пожелание несломимого мужества, терпения, радости в труде и истинного прогресса в грядущем Золотом Веке человечества».

118. В искусстве Рериха подвижники духа, Учителя человечества и святые, даже в состоянии медитации — не отрешенные созерцатели или спокойные мыслители, в них ощущается внутренняя энергия, горение, устремление света, которые их мысли и чувства излучают на человечество. Все они — великие личности, которые жертвуют собой и самоотверженно спешат на помощь неведомым страждущим или искателям. Среди них Прокопий Праведный, который отво-

дит каменную тучу, угрожающую его родному городу, или, сидя на высоком берегу реки, молится за неведомых плавающих, и издали кажется, что свет, исходящий от святого, рассеивает тьму. Среди них — Пантелеймон Целитель, по весне на цветущих лугах собирающий целебные травы: каждый цветок — проявление сердечной заботы о том, как найти лучший способ для утоления страданий человеческих. Все полевые цветы он знает, как своих родных сестер. Ничего лишнего не сорвет, ибо природа для него священна. Он хочет помочь не только людям, но и любовью сердца возвысить, одухотворить природу.

В этом ряду и известные в русском народе святые, духовные подвижники Николай, Георгий и Илья, помогающие благочестивому крестьянину умножать его благосостояние («Три радости»), и «Друг путников», спешащий по горной тропе, — все они ни минуты не думают о себе, их окрыляет единственная мысль: только бы не опоздать, успеть проявить свою великую энергию на благо других. И позже, в гималайской серии мы видим Конфуция на колеснице, Сергия Радонежского, Рамакришну и других подвижников духа. Почему же такая спешность чувствуется в их облике? Истинно, ими движет мысль о спасении человечества. Даже спокойно сидящий Цзон-ка-па или Будда на полотнах Рериха словно сидят на «ковре-самолете», сотканном из молний самоотверженных мыслей.

119. В восточных учениях господствует убеждение, что наша мысль — энергия, реальная сила, что доброй мыслью можно помочь другому человеку, независимо от его физического присутствия, если только мысль направлена с сердечным огнем и любовью. Картина «Сараха» — на поляне ярко-зеленого деодарового леса, на фоне Гималаев, сидит тибетец и держит в руке стрелу (символ направленной мысли).

«Рамаяна» — старец медитирует, а в облаках образуется мощная фигура, устремляющая стрелу вдаль, в утреннюю зарю, поверх темных монастырских стен. Или «Облако-стрелок» — из белой массы облаков образуется грациозная и нежная, подсвеченная первыми лучами солнца, фигура женщины. Посланная стрела летит в темную синеву.

Добрый даритель сам не знает, кто получит его помощь. Ему все равно, он сеет огненные зерна, не заботясь, кто соберет урожай пространства. Такие безымянные подвиги характерны для героев картин Николая Рериха.

«Огненные мысли» — благородная женщина сидит у обрыва высокой скалы, и кажется — ее мыслеобразы, как огненные птицы, улетают вдаль, в мировое пространство.

«Приказ Учителя» — восточный Гуру на вершине Гималаев посылает белого орла с приказом: в этом приказе символизирован спешный груд на общее благо. Может быть, он знает, кому конкретно нужно помочь, кого энергия мысли поднимет, спасет от грозной опасности.

Вспомним также излюбленных в восточной символике красных и белых «коней счастья», часто изображаемых Рерихом.

120. Одна из последних картин Рериха, своеобразная и поэтическая, — «Огни на Ганге» (1947). Звездной южной ночью, под зеленоватым небосводом, девушка склонилась у берега Ганга и благоговейно, словно благословляя, пускает в реку огоньки в ореховых скорлупках. Три уже плывут. Вдали, как свет маяка, горит серебряное пламя. Кому посылает девушка эти дары сердца: любимому, своим родным, неизвестным друзьям? Кто знает? Не случайно этот романтический обычай запомнился Рериху при первом соприкосновении с индийским народом, в 1924 году.

«...На берегу Ганга... Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берсгу утреннюю пранаяму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души».

Мотив этого обычая индийского народа встречается и в стихах Рабиндраната Тагора:

«Над пустынной рекой, среди высоких трав я сказал ей: "Девушка, куда идешь, прикрыв свой светильник одеждой? Дом мой одинок и темен. Дай мне света!" Она на мгновение подняла свои темные глаза и сквозь сумрак взглянула мне в лицо. — "Я пришла к реке, — ответила она, — чтобы пустить светильник по течению, когда дневной свет угаснет". Одинокое стоял я среди высоких трав и смотрел на робкий огонек ее светильника, бесцельно уносимого течением».

121. В творческом видении Рериха не только сам Учитель, но даже его тень, отраженная на скале, будто благословляет людей, не уставая в творении блага, — картина «Тень Учителя».

122. «Сострадание» — одна из самых значительных, одухотворенных работ мастера. Лама-отшельник спасает косулю, которая ищет укрытия от охотника: стрела попадает в руку спасителя. Здесь Рерих говорит о первом этическом законе Будды, до сих пор живущем в сознании восточных буддийских народов: о благожелательстве ко всем живым существам.

123. Исследуя глубокое прошлое, покрытое «дымкой истории», подлинное лицо истины и победные пути духовной культуры человечества, Рерих всю жизнь ищет «шествие героев всех веков», чтобы «оказаться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом».

Исключительное место в его творчестве занимает галерея героев духа, затрагивающая зрителя высокой тематикой, словно он читает далекую и все же вечно близкую эпопею о героях, которые и сегодня воспламеняют нас огненным дыханием своей самоотверженной жизни.

124. В путевых заметках Рерих упоминает, что в Азии, в Гималаях, путники дальних дорог, встречаясь на горных перевалах, ночью при свете костра беседуют о необозримой армии Шамбалы, которая избавит человечество от тьмы и принесет на землю новую Эру Света и Справедливости.

Говоря языком легенд Запада, можно назвать священные «дружины подвижников», изображенные в трудах Рериха, воинством рыцарей Грааля, которые рассеяны по разным эпохам, расам и народам, сокрыты в разных одеждах и телесных оболочках, но которых связывает одна общая миссия — помогать духовному возрождению человечества, бороться за установление справедливости и братства на земле. Там есть русские легендарные герои и герои народов Востока, великие духовные Учителя человечества и мыслители, индийские йоги и садху, женщина — носительница Света, там Матерь Огненной Йоги. Когда мы перелистываем, хотя бы мысленно, сияющие страницы художественного творчества Рериха, перед нами раскрывается плеяда незабываемых великих духов, которые вырубili в дебрях человеческой истории неуничтожимые просеки к вершинам прогресса, имена которых для многих сознаний звучат как космические аккорды музыки Света.

«...О подвигах Святых людей. Они, эти Святые, сияют неземным светом... они исцеляют, они самоотверженно делятся последним достоянием; изгоняют тьму и неутомимо творят благо на всех путях своих. <...> Святые становятся общечеловечны, принадлежат всему миру, как ступени истинной

эволюции человечества. Все вмещает Свет. Чаша Грааля над всем благом».

125. Они — Гималайские Махатмы — Великие Души, или Риши, которых индус Васвани назвал «великими повстанцами человечества»: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни».

Сам Рерих об этих исполинах духа говорит: «Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы. <...>

...Маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех! <...>

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно — Благо».

126. Хотя изображенных Рерихом великих духов часто разделяет пространство и даже эпоха, по сути они принадлежат к одному, направляющему человеческую эволюцию, роду титанов духа; все они — носители высшей гуманной истины, воспитатели народного сознания, истинные друзья человечества. На полотнах Рериха они показаны по большей части в одиночестве, в отдельных эпизодах жизненных подвигов.

Исключение — написанная в 1922 году сюита «Санкта», посвященная жизни отшельников. Сине-фиолетовые, пурпурные и золотистые тона этих полотен еще больше усиливают впечатление благородства духа. «И Мы трудимся», «И Мы продолжаем лов», «И Мы не боимся» — отшельники беседуют, дружат с медведем и суровой северной природой. «И Мы открываем врата» — через проем открытых ворот в монастырь вливается утренний, золотистый, ясный свет дальних горизонтов. «И Мы приносим свет».

Еще картина: «Святые гости» — лодочник везет через озеро двоих святых, их встречают у монастыря отшельники. Чувствуется, что все они из одной духовной общины, их головы обвивают излучения аур. Темно-фиолетовые дали, лучи света пробиваются сквозь облака, отражаются в водах, подчеркивая возвышенный, можно сказать — космический настрой раннего утра.

127. Изображенные Рерихом герои духа показаны такими простыми, скромными, сердечными и по-человечески близкими нам, но все же мы чувствуем, что они — лучшие представители человеческого сообщества, строители нового, этически сильного мира, кристаллизующие в себе высший опыт человечества, нравственные качества и познания, которые они излучают, и кажется, что уже одним своим присутствием они возвышают и преображают все вокруг.

128. Рерих не изображает обычных людей, не пишет портретов, раскрывающих психологию человека. Он не дает крупным планом человеческое лицо или фигуру, подчеркивая характерные детали. Можно сказать, Рерих раскрывает в своем творчестве не человека как такового, а именно — погруженного в мелкие повседневные заботы и личные дела, втянутого в «борьбу за существование», в вихри любви и ненависти, — но человека в прекрасном полете его духа, показывает

человека гармоничным, дисциплинированным, самоотверженным — таким, каким он должен стать, устремляясь по ступеням эволюции.

Потому, вместо галереи психологических типов, какую, например, дает Рембрандт и многие другие портретисты, которые считают задачей своего искусства изображение глубин человеческой души, Рерих творит плеяду подвижников духа и реформаторов жизни в какой-нибудь характерный момент их героической жизни.

129. И все же нельзя сказать, что Рерих не был чутким психологом, ибо, как великий художник, он является и большим знатоком света и тени в человеческой душе.

Рерих не пишет портретов великих духов, детализируя черты лица, но скорее создает интуитивное представление о духовном подвижнике по всему его облику или характеру фигуры, по деталям среды или обстоятельств, даже по колориту эпохи. Часто мы даже не видим черты лица героев Рериха, но чувствуем, что они излучают нечто духовно могущественное, высоко эволюционное.

130. Образы Рериха характерны не только своим особым выражением, но и фоном деятельности и жизни, своеобразным изображением среды, можно сказать — фоном эпохи, в которой они действовали и на которую сильно влияли, и так мы получаем представление о сути самих героев.

Возьмем хотя бы Конфуция и Лао-цзы — двух современников, которые изображены по-разному, так индивидуально и реально, словно Рерих действительно видел их своими глазами. Удивительно проникновение, вчувствование в психологию эпохи и в самые конкретные исторические условия.

131. Конфуций — в вечном странствии, в напряженном покое мышления, на фоне зелено-алых древних китайских

гор, в предрассветном тумане едет в одноколке, запряженной белым мулом, размышляя о государственных делах, спешит на помощь народу. Но, быть может, избегая врагов, он направляется в другой конец страны.

«...Даже Конфуций, великий своим миролюбием и справедливостью, был настолько преследуем современниками своими, что даже должен был держать наготове запряженную колесницу и большинство жизни провел в вынужденных переездах».

132. Лао-цзы, напротив, в желтой одежде мудреца, освещенный первыми лучами солнца, сдет верхом на смирном буйволе на фоне золотистого бамбука. Ему некуда спешить; в пути он обдумывает важные проблемы бытия: о Дао, источке блага, или об этических и экономических основах общины своих духовных братьев. Вдали вереницей тянутся горные хребты в синей гамме. Желтый для Рериха — цвет познания. На таком фоне, наполненном солнечным светом, часто изображен великий учитель знания Будда, например, на картине «Будда Победитель», где сталактиты горной пещеры словно освещены искрами света ауры озаренного мыслителя.

133. Так Рерих изображает своих героев не только на фоне среды и эпохи, но и в особом излучении их духовной индивидуальности. Художник наблюдает, какой свет излучает сознание (как композитор — тональность), в зависимости от главных особенностей характера и лейтмотива мировоззрения. Ведь даже обычная психология окрашивает каждое качество в свой цвет, например, страсти — красные, власть — пурпурная, духовность — синяя или фиолетовая и т.д. Если в присутствии учителя знания Будды все вокруг вспыхивает солнечно-золотистым настроем, то вблизи Моисея, как этического законодателя, — фиолетово-пурпурным. Так на картинах Рериха каждому великому духу соответствует свой,

излучасмый им «аурический основной тон» (щит его возвышенных чувств и мыслей, или синтез сознания).

134. В большой галерее героев духа, созданной Рерихом, истинно, каждая личность есть явление своеобразное, неповторимое, увиденное совсем в ином аспекте, нежели его соратники по духовной борьбе. Например, Магомета в картине «Пророк» мы видим только со спины (это согласуется с мусульманским догматом, запрещающим поклонение иконам). Он, в длинном белом одеянии, на горе Хира выслушивает весть сокрытого в розовом пламенном облаке архангела Гавриила, который посылает его проповедовать народам новое Учение. Вокруг янтарные, оранжево-алые скалы знойной, сожженной солнцем Аравийской пустыни.

Также и «Моисей Водитель» на горе Синай внемлет приказам Всевышнего. Вокруг его головы пламенеет сияние, горные ущелья и дали тонут в фантастическом фиолетовом мареве.

135. Николай Рерих дал целый ряд образов Будды. «Будда Испытатель» — согласно легенде, Будда проповедовал свое Учение в морском царстве рыбам, подобно христианскому святому Антонию Падуанскому, который обратился к рыбам, когда люди не захотели его слушать, или — Франциску Ассизскому, который проповедовал и птицам и лесным зверям. Все великие духовные подвижники излучали дружелюбие не только на людей, своих братьев, но и на все существа. «Будда Дающий» — великий Учитель познания стоит на ступенях, перед ним склонился старец, протягивая чашу, он просит у Учителя «влагу истины». Наконец, уже упомянутый «Будда Победитель» — в медитации у «подземных источников знания». Истинно, «наибольшая победа — победа над самим собой», — мы как будто слышим великие слова Будды. Мгновение великого озарения, когда Будда раскрыл тайну

мироздания, как золотой солнечный свет, отражается не только в его образе, но и в его подземной обители. Одна из последних картин — «Будда Благословенный»: величественный Риши стоит на фоне Гималаев, в свете ореола, в одной руке бамбуковая трость, во второй — сосуд; перед ним, как перед пока еще недостижимой вершиной, — семь небольших фигур учеников.

136. Христос в картине «Генисаретское озеро» стоит на берегу, опираясь на посох, и взирает на рыбаков, отправляющихся на лов, будто благословляя их. Час предрассветный. Мерцающая серебристо-серая водная гладь изумительно прозрачна. Что-то воистину неопишное, торжественное, словно просветленное сущностью великого духа ощущается повсюду. Все так захватывающе реально, как будто автор картины был живым свидетелем этого высокого видения на рассвете. Да, на многие картины Рериха, как и на эту небольшую, можно смотреть часами, без усталости, как иногда с высокого берега реки, в тихой задумчивости, мы созерцаем чудо восхода солнца. Воистину, достойна почитания великая сила мастера — вчувствоваться и передать правду пережитого.

137. «Чаша Христа» — великий Учитель в Гефсиманском саду, среди оливковых деревьев, преклонив колена, возносит мольбу о Чаше, которая столь необычно мерцает в зелено-фиолетовой дымке темной южной ночи. Образ Христа бесконечно простой, человечный, озаренный, обращен к созвездиям Ориона — к Будущему. В этот предрассветный час все так напряженно предвещает приближение великого космического подвига. Что передумал, что перестрадал Великий Путник в последнюю ночь, когда за несколько часов преборол в себе все судьбы человечества, когда предвидел не только предательство, но и апофеоз победы Любви...

«Знаки Христа» — восточная легенда о том, как Христос в пустыне встретился с аравийским шейхом Россулом Мориана и начертил на песке знаки, предвещающие грядущее: все на нашей планете достижимо только путем эволюции, и храм человечества возводится «руками и ногами человеческими»... В этой величественной картине, где изображены два великих Духа, два Друга, все, даже золотистый зеленовато-фиолетовый песок пустыни, насыщено космическим настроением.

138. Или иной образ — «Зороастр». Учитель древних персов на высокой скале совершает обряд — из Чаши льется жидкое пламя, которое несет миру благо возрождения.

Шри Кришну, возвестившего индусское Учение в Бхагавадгите, видим таким, каким его часто изображает индийское искусство. Под цветущими яблонями играет на свирели пастух, и своими серебристыми звуками наполняет весенний розово-романтический мир ликующей вестью жизни. И в радостном восторге цветут сине-фиолетовые вершины Гималаев. В другой раз Рерих изображает Кришну вместе с его возлюбленной.

139. Имсеется и ряд картин, посвященных выдающимся реформаторам буддизма в Тибете. Падма Самбхава на высотах, на фоне зеленых лесов, разговаривает с гигантским горным духом. Цзон-ка-па медитирует среди скал, объятых фиолетовой дымкой, снежные пики гор уже золотятся в первых лучах солнца, озаряющих и самого мыслителя. Но, быть может, это свет, излучаемый аурой духовного подвижника, устремляется вверх и освещает ясные утренние вершины. Третий великий тибетский подвижник — поэт Миларепа — слушает музыку водопада.

В этой серии следует отметить картину «Нагарджуна — победитель змия» — он властелин над собой, над своими

духовными огненными центрами и пребывает в гармонии с окружающим. Здесь и японский духовный Учитель «Иенно-Гуйо-Дзя — друг путников».

140. Особенно любимая тема для Рериха — житие Сергия Радонежского, великого подвижника русского народа, не только величественного строителя духовной культуры и основателя общины, но и бесстрашного вдохновителя русских войск в героической битве против татарских орд. Неустанный пламенный подвиг жизни этого истинно благородного воителя, его самоотверженное стремление возвысить жизнь народа, его великое одухотворенное человеколюбие Рерих также описал в своих очерках.

В 1922 году Рерих изображает Святого Сергия как юношу с котомкой на плечах, с благоговением входящего в монастырь. «Сергий Строитель» (1924) — на снежном пригорке среди синего соснового бора обтесывает бревно для строительства новой общины. В одиночестве у него есть друг — медведь.

Мы уже упоминали «Мост Славы» — созерцаемое Сергием видение будущего, также сюиту «Санкта», которая изображает жизнь общины Сергия. «Сам вышел» — святой Подвижник в блеске своего сияния. Перед ним в восторге и страхе монахи, на которых льются струи света. Из более поздних работ — «Святой Сергий» (ныне в фондах Третьяковской галереи): Сергий Радонежский стоит на горе и держит в руках храм, внизу идут воины. Шествие ли это в Будущее? Или, как всегда, Сергий бодрствует о великой русской земле и вместе с тем — о всем человечестве?

141. Другая значительная картина: «Святой Франциск» — духовный брат Сергия. Франциск — одухотворенный, будто стремящийся вверх, на обрыве горы благословляет птиц у гнезда на ветвях дерева. У него в руках белый голубь. На

заднем плане, в укрытии скал, монастырь в сиянии зари. Рерих с глубоким чувством пишет о подвижнике в очерке «Любовь непобедимая»: «Кто же мог собрать и духовно объединить этих разнообразных и даже противоположных мастеров? Кто мог вдохновить такое множество великих поэтов? Кто мог наполнить такими высокими мыслями множество знаменитых деятелей?» — спрашивает Рерих. — «Все тот же самый, бессмертный и светносный в существе своего духа, Святой Франциск, притягательный как для взрослых, так и понятный детям. Истинное прибежище зверям и птицам. Именно Он мог беседовать и обратить волка ко благу. На Его руке птицы чуяли крепкую безопасность».

Больше всего Рериха привлекают в Святом Франциске два его качества: неустанная деятельность и неосуждение; подражать им в жизни Рерих призывает всех. Эти качества, как мы уже видели, Рерих в высшей степени стремится реализовать и сам.

142. Достоин внимания триптих, посвященный судьбе Жанны д'Арк. Мы видим девятнадцатилетнюю героиню французского народа, прекрасную сердцем девушку, молящуюся перед решительной битвой с англичанами, и в конце — ее фигуру, объятую алым пламенем, как возвышенный символ Будущего, как свидетельство, что дух все же сильнее мук инквизиции и служителей тьмы. И поверх костра — небо, как триумф, то самое, необъятное, овеянное трепетом синевы, которое Рерих умеет так чутко воспроизводить на полотне.

143. «Бхагаван» — индийский духовный подвижник Рамакришна, живший в середине девятнадцатого века. Его ученик — Вивскананда, «Лев пустыни», известен далеко за пределами родины своим всеобъемлющим Учением гуманизма. Рамакришна изображен в момент, когда он быстрым шагом

спешит по гималайской тропе. Куда же он направляется? Как всегда — помочь духовно и физически страждущим, утолить жажду их души, возродить сознание.

144. Кроме упомянутых — еще много рыцарей в воинстве Грааля, тех, кто сражается за Свет Истины и самоотверженно несет его человечеству, учит людей жить лучше. Разумеется, всех их художник не мог изобразить. Но в сердце он чтит каждого из них — факелоносцев человечества, указующих путь и прокладывающих мост к возрождению человеческого сознания.

145. Но звездный венок в этой сияющей плеяде воителей за восхождение человечества принадлежит женщине. Рерих прославляет Матерь Мира — высший аспект матери человечества и женского начала, которую он называл создательницей героев человечества.

Самая замечательная в этом цикле картина — «Матерь Мира» (1924). На недостижимой вершине, обвьятая лазурью безграничного звездного неба, в круге света своего всеобъемлющего сияния, с закрытым лицом (это означает, по восточной легенде, что женский принцип на земле еще не уравновешен с мужским), Она благословляет мир.

Эта картина перекликается с фреской Рериха «Царица Небесная» в церкви в Талашкино, на которой Матерь Мира также молится за мир и возрождение человечества. Замечательна «Madonna Laboris», изображающая легенду о том, как Богородица в своем безграничном сострадании спасает души грешников, спустив свой шарф за стену рая, и Владыка радуется ее подвигу. К этой тематике также относятся «Звезда Матери Мира», тибетская «Матерь Турфана» и другие.

146. Два варианта картины «Агни-Йога» Рерих посвятил высшему отражению принципа Матери Мира на земле. На

горе, поверх облаков, стоит Она и держит в руке светлое пламя. Второй вариант — Она сидит у вершины скалы, обвита кругами ауры. От ее сияющей сущности, кажется, светлеют все дали мира. К этой же теме относится и одухотворенная «Держательница Мира» («Камень несущая») — величественная, благородная женщина на фоне Гималайских гор.

147. Принцип вечной женственности Рерих не меньше прославил и в своих очерках. Как на картине «Ведущая» девушка ведет юношу вверх по горной тропе, над бездонными пропастями, так и в жизни для Рериха женщина — и мать, и вдохновительница мужчины в жизненной борьбе, лучший друг его помыслов, соратник, носительница мира и красоты. В женщине больше развиты сердце и чувствознание, или духовные возможности, потому не случайно учения Востока называют грядущую космическую эру Эпохой Матери Мира или Женщины.

148. «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце».

«Кто же как не женщина внесет в дух человеческий высшее понятие Культуры? <...>

Говоря о женском участии в этой великой культурной работе, мы не должны забыть слова глубокой древности: «Перечисляя подвиги женщин, мы напишем историю всего Мира. Перечисляя экстазы озарения, мы перечислим глаза женщин. Изучая сотрудничество, мы увидим руку женщины». Подвиг, вдохновение, сотрудничество — все эти сокровища женщина приносит Culture».

«Матери, жены и сестры, обратите темные будни в праздник Великого Служения! Покажите младшему поколению, что каждый труд должен быть исполнен высшего качества в его духовном осознании. Это высокое качество должно наполнить человеческую жизнь от зари до заката. И в этом постоянном усовершенствовании мы найдем улыбку счастья.

Матери, жены и сестры, творите героев!»

149. Такими изобразил Николай Рерих подвижников духа. Они — сыны и дочери своего народа, расы и континента, и обладают разными физическими и психическими качествами; различны и их задания, но в своей сущности они едины, ибо они победили самих себя и поэтому могут помочь тем, кто ищет путь к преображению, к гармонии высшего познания. Истинно, они — сыновья и дочери Солнца, они — Посланники Космоса на нашей планете.

150. Если всю природу и особенно горы — высоты Гималаев — Рерих возвышает до космического чувства или значения, то космическое настроение или осознание еще больше выражают образы великих подвижников, которые, своей совершенной жизнью и самопожертвованием во благо человечества, уже продвинулись по ступеням эволюции далеко вперед, к космическому предназначению планеты, навстречу красоте совершенства.

XI. Свет Гималаев

151. Гений Рериха напитали Гималаи. Эти несравненные, величественные вершины десятилетиями вдохновляли его на подвиг Красоты.

В годы детства, в имении отца на стене висела старинная гравюра, изображающая горную вершину, озаренную первыми лучами солнца. После многих лет Рерих случайно увидел это изображение в какой-то книге и узнал, что его любимой вершиной была Канченджунга, которую позже он часто писал.

Кто знает, не было ли это ранним соприкосновением детства с первым духовным учителем? Вновь и вновь, не зная почему, чувствовал он сердечное влечение и неизбывную тоску по чудесным горам, где земля соединяется с небом.

152. Когда Рерих впервые попал в царство Гималаев, перед ним раскрылась в сказочной красоте величественная симфония ослепительных вершин, и над ними — неописуемо прозрачные лазурные дали. Он шел как «очарованный странник», словно по давно знакомой сказочной стране. Все казалось столь близким сердцу, словно в давние прежние жизни он был обитателем этих величественных мест.

Грандиозные, массивные, покрытые снегом горные хребты, над которыми в облаках перемещаются, переливаются всеми

цветами радуги, струятся световые потоки. Сам воздух — бесконечно прозрачный, сияющий, звонкий. И тишина вершин, в которой начинаешь слышать себя, биение сердца, быть может — даже мелодические вибрации лучей далеких звезд.

Монастыри, храмы, часто высеченные в скалах на большой высоте, подточенные временем, буддийские ступы — свидетели тысячелетней древней культуры. О чем они говорили, что таили в себе? Каждый камень — как памятник древней культуры. В воздухе витают образы предвечных сокровенных легенд и тайн. Странники всегда чувствовали насыщенную духовную атмосферу, словно здесь вибрируют излучения духа, огненные мысли и чувства великих восточных мудрецов, Риши.

153. В Гималаях Николай Рерих обрел истинную обитель для себя и своего творчества. Им он посвятил множество своих картин, самых одухотворенных. И не только картин, но и очерков, записки путешественника, сокровенные мысли сердца.

О великом счастье своей жизни, об избрании апостолом красоты Гималаев, Рерих пишет в книге «Алтай — Гималаи» и в письме к одному индийскому художнику:

«Нигде нет такого сверкания, такой духовной насыщенности, как среди этих драгоценных снегов». «Я горд, что мне было предназначено прославить во многих картинах величавые, священные Гималаи».

В невиданном сиянии красок и блеске воображения теперь расцветает творчество Рериха. Характерно, что в начале экспедиции, в одном только 1924 году Рерих пишет около 125 своих выдающихся этюдов и картин. Как будто в воображении долго, годами вызревали идеи, и теперь, в волшебном соприкосновении с долгожданным, кисть мастера с огромной быстротой один за другим создает исключительные шедевры.

154. Рерих никогда не писал горные пейзажи сухо, фотографично. Он воссоздавал их на фоне традиций тысячелетней духовной культуры Востока. Часто одна, кажется, мелкая деталь, например, в «Кулуте» — небольшое скульптурное изваяние Гута Чохана, — уносит нас в мифологические времена Индии, когда в сознании индийского народа царствовал на Земле род божественных геросов. Но даже если в горных пейзажах и нет подобного исторического элемента, все же мы чувствуем насыщенность древней героической культурой, великими человеческими переживаниями.

155. Кажется, что вся любовь Рериха к Гималаям выражена в шедевре его творчества, в картине «Помни», которую он через двадцать лет, в 1945 году дал в еще более величественном варианте.

Никто не пройдет равнодушно мимо этой изумительной по силе картины, каждый старается найти в ней близкое себе толкование. На фоне могущественных высот Гималаев, в тот час, когда внизу все еще окутано фиолетовым туманом, а гребни гор уже озарены лаской предрассветных, обновляющих лучей, на краю склона стоит всадник, расстается с горными высотами для подвига жизни. Он в последний раз с грустью озирается, возможно, слышит напутствие матери, стоящей у горной хижины: иди, борись, созидай, только не забывай горы — свою Родину. Всю свою жизнь носи их в памяти, храни в сердце своем, устремляясь к завестной цели.

156. Истинно, есть среди людей «горные души», которые в вечном горении и стремлении, в неустанном подвиге созидания отдают себя лучшему будущему народа, они живут как бы на высотах своей мечты — Народного Блага. Но есть люди, для которых горы — нечто чуждое, непонятное, которые даже боятся гор. Но смогут ли они устоять на «горных тропах» самоотверженного строительства жизни?

Унести память о горах в битву жизни — в страдания и трудовую радость, в удачи и неудачи — значит взять с собой величие и гармонию гор — т.е. самообладание, культурность и непоколебимое мужество, проявить нравственную дисциплину в каждом поступке.

157. Своей всепоглощающей любовью к горам Рерих выражает характерное качество души восточных народов, которое так редко выражается в европейской литературе и искусстве. У народов Востока, особенно у индийцев и китайцев, существует культ священных гор, как одна из основ религии, это сильно влияет на их традиции и культуру. Особенно китайское искусство и поэзия с древнейших времен насыщены благоговейным отношением к горам. У китайцев путь разума и моральной гармонии символизируют горные вершины, у них «мудрецы, поэты и святые приходят с гор и возвращаются к ним». Характерно, что горы всегда были излюбленной темой выдающихся китайских художников. И в современном искусстве Индии Гималаи занимают все больше места, особенно под влиянием живописи Рериха.

Можно сказать, что духовная культура Азии пришла с горных высот, особенно с Гималаев, которые прямо или косвенно дали мощный стимул и определили тональность не только изобразительного искусства и поэзии, но и философии, и религии, и государственной и общественной жизни. Невозможно вообразить ни героические битвы Махабхараты и Рамаяны, ни учения Будды и Шанкарачарьи, ни философию Вед, Упанишад и Веданты без величественного, возвышенного фона Гималаев.

Мы знаем, что Рабиндранат Тагор в молодости со своим отцом путешествовал по склонам Гималаев, и эти дни он вспоминал как самое счастливое время своей жизни.

158. Такую экстатическую любовь к Гималаям знал и друг Рериха, великий государственный деятель Индии Джавахарлал Неру, который в течение своей жизни, полной напряженной деятельности, вновь и вновь стремился побывать в Гималаях. Он, как уже упоминалось, некоторое время гостил у Рериха на высотах Пенджаба. Пламенной мечтой Неру было посетить озеро Манасаровар и гору Кайлас в Тибете — высшую цель бесчисленных индийских и тибетских паломников. К сожалению, эту мечту он так и не смог осуществить. Во времена английского владычества Неру был заключен в тюрьму, находящуюся у подножия Гималаев. Он вспоминал об этом так:

«Я был бы рад прогулке в любом месте, но зрелище возвышающихся неподалеку Гималаев доставляло особое наслаждение, и это помогало стряхнуть с себя тюремную усталость. Мне очень повезло в том отношении, что в течение длительного времени... я мог смотреть на эти горы, которые я так люблю. Из окна моей камеры горы не были видны, но душа была полна ими, и я всегда ощущал их близость, и мне казалось, что между нами установилась некая тайная связь».

«...Громадные и невозмутимые, они взирали на меня со всей своей тысячелетней мудростью».

Да, горы те встают передо мной,
В закате стелется пурпуровый покров...
И снова ищет с жадною тоской
Мой взор сиянье девственных снегов.

Ли Бо

159. Рериха мы истинно можем назвать поэтом гор. Таким он был уже в юности, когда поверх украшенных березовыми рощами русских холмов смотрел в облака, воображая горные громады.

Вспомним эскизы его декораций к «Пер Гюнту» — «Мельница в горах», «Холмы». Сколько несказанной тоски по вершинам, лирической и эпической поэзии гор, выражено хотя бы в этих картинах: деревянная мельница, золотистый водопад, поющие изумрудно-фиолетовые горные высоты, зелеными мхами покрытые скалы, розовое небо над крылатыми вершинами.

И теперь, разве эта несравненная, устремленная ввысь, весенне-свежая и радостная гамма красок, беспредельный светлый оптимизм не повторяются в величественной, космической симфонии синевы вершин «Кулуты», или в южной, насыщенной оранжевым светом «Ом мани падме хум», в многочисленных этюдах «Гималайское утро», где в первых лучах солнца рождается чудесный мир, в незабываемом этюде «Брамапутра» (1945): река, извиваясь, сияет в рассветных лучах солнечного восхода, словно она течет от одного утра к другому, блаженному утру.

160. Таким же гимном свету и могуществу Гималаев звучат и очерки Рериха.

Высочайшие в мире горные хребты Рерих не может вообразить безжизненно-мрачными, тяжелыми, замкнутыми, как иногда кажется кому-то при сравнении с другими горами. Как раз наоборот — восходящих на них они освобождают, делают духовно звучнее, лучше и счастливее.

«Никто не скажет, что Гималаи — это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные ворота, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово “однообразие”. Поистине, целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря. <...>

...Если <путник> узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним и в одном этом стремлении

он уже укрепитя, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении».

161. Николай Рерих в такой мере познал душу Гималаев, смог проникнуть в психологию гор, что иногда своим ярким, можно сказать, провидческим воображением воспроизводил места, которых даже не видел. Так, рассказывают, что какая-то гималайская экспедиция, которая в 1924 году безуспешно пыталась взойти на Джомолунгму (Эверест), вернулась в Дарджилинг и посетила Рериха, который в то время там работал. Увидев одну из картин, один из членов экспедиции воскликнул:

«Вы же изобразили то место, дальше которого нам не удалось подняться... Полет Вашей фантазии легко открывает Вам те недостижимые высоты, из-за которых мы претерпеваем трудности и рискуем жизнью».

162. Изображенные Рерихом горные хребты и снежные вершины, подобно реальным Гималаям, поражают нас своими монументальными, невероятными размерами. Как будто на самом деле они — обитель неведомых, мощных космических сил. Зритель, впервые увидев их, теряетя, ибо как бы поднимается на другую плоскость сознания. Кажется, годами путник ходил по серым, ежедневно виденным местам, и вдруг перед ним вспыхивает ослепительной красоты, с серебряными башнями город.

163. Гималаи для Николая Рериха, как и для жителей Азии, имеют глубокий образный и иносказательный смысл, они — живые, сверхъестественные космические существа, не только воспитатели восточных народов, но и мать всего человечества.

164. На картинах Рериха остроконечные горные пики устремляются в Космос. Можно сказать, что их сущность —

стремление вверх, желание власти в беспредельность. Художник постоянно изображает горы, холмы, скалы, башни вершин так, словно они жаждут преодолеть земное притяжение и подняться выше, в стратосферу, где властвуют иные, сверхфизические законы, а плотное вещество распадается на вибрации тонких энергий. И кажется, что от прикосновения кисти Рериха не только горные вершины и скалы, но все предметы, облака, деревья и сам человек освободились от силы притяжения и подчиняются какому-то неизвестному, еще не открытому наукой закону невесомости. Все стремится ввысь, навстречу насыщающей и возрождающей мощи солнца.

165. Но воображение художника взлетает все выше, к более грандиозным космическим горизонтам. «Превыше гор» — любимая картина Рериха. Выше наивысших вершин Земли, над облаками, как на сказочном ковре-самолете, в лазурной высоте летит девушка. Картина «Белый и Горный» — пелена сине-серых звучных облаков, между которыми, как островки, сверкают фиолетовые и серебряные пики. Выше гор, как мы видели, поднят и идеал Агни-Йоги в образе прекрасной женщины.

166. На вершинах Гималаев, среди космических просторов, Николай Рерих ощутил «дыхание вечности». Показательна картина «Капли жизни» — на краю горного утеса сидит девушка, погруженная в думы, ждет, пока ее кувшин наполнится водой из ручья, капля за каплей, и кажется, сама вечность медленно течет в серебристой струйке родника. Далеко вокруг — симфония горных хребтов и бездн ущелий.

На такой высочайшей высоте, в надземной «стратосфере», для души искателя, познающего, открывается нежданная свобода и великая тишина. Здесь человек ближе всего соприкасается с первым лучом рассвета, который так часто

прославляет кисть Рериха-художника. Здесь Рериху-мыслителю открывается смысл всех вещей и горизонты познания.

...Братя, встанем мы рано.
Так рано, когда еще солнце
не выйдет. Когда восток
зажжется ярким сияньем.
Когда проснется только земля.
Люди еще будут спать.
Освобожденными, вне их забот,
будем мы себя знать. Будем
точно не люди. К черте подойдем
и заглянем. В тишине и молчаньи.

...

Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчаньи.

...

Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

167. От Гималайских пейзажей Николая Рериха веет покоем «выше человеческого понимания», как будто эти горные хребты никогда не знали ни беспощадных снежных ураганов, ни лавин, ни сковывающих морозов. Они словно вне пространства и времени, но бесконечно реальны и близки.

Человека горных высот, ищущего познания, наполняет всеобъемлющий покой духовной гармонии. И все же через все его существо струится некая огненная энергия, стремящаяся вырваться из оболочки и формы в дальнейшее пространство, к человечеству, в беспредельный Космос.

Гималайское спокойствие излучает и облик самого художника. Достаточно посмотреть на портреты Николая

Рериха, написанные его сыном Святославом, или на фотоснимки. «Кто раз познал спокойствие расширенного сознания, тот может вообразить бури космические, которые все же не нарушат мироздания» (Надземное, 447).

168. И сам Рерих в своих гималайских картинах словно с горы смотрит на грандиозную панораму мира, на жизнь и людей.

Глядя с горы, человек подходит ко всему объективнее, видит все как на ладони. Так и в картинах Рериха иногда ощущается космический кругозор: словно автор поднялся над планетой и любуется ею, как она прекрасна и полна эволюционных возможностей, будучи стартовой площадкой на пути к дальним мирам, в космическое пространство. Художник пламенно желает помочь преображению нашей Земли в царство мира, справедливости и гармонии.

169. С горы видны и ступени эволюции человеческого сознания. Художнику иногда кажется, что большинство людей — как дети, которые играют своим «несуществующим, переменчивым имуществом», строят иллюзорные песочные замки или хижинки, которые в любое время могут рассыпаться в нежданном прибое океана времени. В одном из своих стихотворений Рерих изображает «Детские замки»:

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные
замки. Сколько хлопот около
этой забавы! Дождь за ночь
размыл их твердыни и конь
прошел через их стены. Но
пусть пока дети строят
замок из грязи и на колонне
пусть сидит малая птичка.

Направляясь к храму, я не подойду
к колонне и обойду стороною
детские замки.

Детей еще надо бесконечно воспитывать, пробуждать, надо расширять их сознание, одухотворять их сердце. Надо давать им истинное знание, просветлять их интеллект, внутреннюю культуру, ибо именно незнание, духовное невежество являются главной причиной большинства человеческих страданий и несчастий.

ХII. Горный Жар-Цвет

170. Так Николай Рерих является философом гор. Его взгляд касается сияющих вершин Гималаев, которые возносятся над всеми будничными заботами, горестями и невзгодами, очищают сердце и придают величие сознанию. Рерих — вечный странник, он присоединяется к бесчисленным шествиям пилигримов, текущим с юга Индии, из Тибета и Монголии, даже из Китая. Вполне возможно, что не все эти паломники понимают, что они ищут, их мечта — хотя бы недолго побыть в священных местах, прикоснуться к этим горам, а потом можно и умереть. Но в сердце они верят, что в горах они встретятся с садху, мудрецами, отшельниками, которые дадут им новые, просветленные основы жизни.

Но Рерих — как художник и мыслитель — в Гималаях видит нечто большее: начало и осуществление всех идеалов и мечтаний человечества, колыбель высших идей мира. Синоним Гималаев — Источник Света: так же, как снега вершин питают мощные течения Инда, Ганга и Брамипутры, так луч мудрости Познавших в Гималаях прямо или косвенно задает тональность культуре человечества.

171. Уже в первой половине жизни, когда Рерих еще реально не соприкоснулся с сознанием Востока, он ищет в го-

рах «сокровенные знаки», которые принесли бы в его жизнь откровение духа и сердца — истинное счастье:

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых.
Сейчас я узнал, где хранится
один из знаков священных.
Подумай о счастье, если
один знак найдем мы.
Надо до солнца пойти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.

...

Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем?
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

172. Иногда бывает, что вечный странник ищет сказочный, днем и ночью сияющий «Огненный цветок», который он наконец находит в сердце Гималаев.

Вспомним картину Николая Рериха «Жар-Цвет» — на высотах, среди скал, втайне расцвел горный цветок. Он сияет пламенем ночью, в свете луны. Какая-то женщина благоговейно склонилась над ним.

Сокрытый среди горных уступов чудный цветок в символике Рериха означает все духовное, благое и прекрасное. Это — сияние гармонии духа, высшее познание, а также реальное соприкосновение с Великими Духами и их идеями.

173. Именно среди вершин Гималаев, утверждает Рерих, хранится Сокровище Мира — священный легендарный камень Чинтамани, который излучает благословение и на округу, и на весь мир. Это камень, воспетый на Западе миннезингерами, или Чаша Грааля, которую Лоэнгрин, согласно преданию, принес с гор Азии.

В 1917 году в сюите «Героика» Николай Рерих пишет две картины: «Клад захороненный» и «Победители клада». Через семь лет, во время Азиатской экспедиции, он создает замечательную картину «Сокровище Мира» — по обрывистой тропе в Гималаях, среди таинственных коричнево-фиолетовых каменных утесов, спускается вниз белый конь с ларцом на спине, сияющим в алом пламени. Этот же мотив повторяется на буддийской ступе («Конь счастья», 1925). Здесь Рерих изобразил тибетскую и монгольскую легенду о коне Эрдени-Мори, который в назначенное время несет на благо человечества самую драгоценную ношу мира.

«Сердце <восточных народов> помнит, как от великой Шамбалы, от священных горных высот в сужденный час сойдет конь одинокий и на седле его, вместо всадника, будет сиять сокровище мира: Норбу Римпоче — Чинтамани — Чудесный камень, мира спаситель. Не пришло ли время? Не приносит ли конь одинокий нам сокровище мира?»

174. Гималайские высоты в сокровенном сознании Востока — это родина Риши, великих духовных подвижников, мудрецов.

«Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные паст-

бища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их настился на скалах Гималайских».

175. Они же — «Дозор Гималаев» одной из самых возвышенных картин Рериха. Величественные, одухотворенные стоят великие Воины, Стражи, как монументы на фоне вершин. Целая симфония скал, изумрудные тона — символ синтеза духа.

«Сжигание тьмы» — из тайного проема в скалах выходят великие Подвижники, впереди — Учитель, который несет сияющий ларец, — торжественно, величественно, как будто Он держит в руках саму Космическую Красоту. Воистину, где проходят эти Носители Света, там отступает, исчезает тьма. Так было во всей истории духовной культуры.

Или «Страж входа» — объятый пламенем воин, подняв меч, стоит у входа в сверкающую золотистым заревом пещеру, и сияние указывает на скрытое священное место. Может быть, это легендарная подземная Агарта восточных сказаний — Царство Света...

Или одна из наиболее одухотворенных картин Рериха — «Оттуда». Среди ледников и скал, через бурную горную реку по узкой доске идет в снежно-белых одеяниях женщина, торжественная, просветленная, руки ее сложены в благословении. По эту сторону реки, на берегу сидит другая женщина, которая ее ждет...

Откуда идет эта женщина? Этого не постигает разум, об этом молчат уста, и только сердце знает.

176. С высочайшими вершинами Гималаев — Джомолунгмой, Канченджунгой, Кайласом и другими связано множество легенд и сказаний, там места паломничества многих народов, там пещеры отшельников, там святые обители духовных

подвижников и садху. Там еще много нераскрытых чудес и загадок, географически не изученных мест. Эти мечты восточных народов Рерих изобразил в ряде картин: «Путь на Кайлас», «Подземный народ», «Мощь пещер», «Перепутье» и т.д.

177. В эту серию входит также «Ашрам», хотя эта картина больше напоминает природу Цейлона, чем Тибет. За величественной бамбуковой рощей — бархатисто-изумрудная река. Тихо плывет лодочник. Куда направляется он? Спасать человека? Или он — вестник? Может быть, везет весть, которая полностью преобразит чью-то жизнь? Картина как бы излучает свет, и селение за рекой будто горит в оранжевых лучах восходящего солнца. Бамбуковая роща, как занавес, скрывает что-то сокровенное, но бесконечно близкое сердцу. Хранит что-то неописуемо прекрасное, сказку на земле, царство духа, где, быть может, обитают мудрые мира сего. Вдали от суеты жизни и все же в постоянной связи — для помощи человечеству.

178. «На высотах» — на вершине горы, среди снегов сидит йог, полураздетый, от напряжения его внутренней энергии снег вокруг растаял. Кто этот удивительный человек, который так совершенно овладел импульсами своего сознания и тела, что не ощущает ни холода, ни голода, ни пространства, ни времени? Он словно монумент среди горных громад — исполин духа, тянущийся к вершинам, в бесконечные дали. Или он тот, кто преодолел себя и излучением своей мысли может «сжигать тьму»?

Или — йог сидит на воде посреди горного озера в состоянии медитации, держа в руках цветок лотоса. На берегу видны высеченные в скалах пещеры.

Смотря на эти картины, мы уже не удивляемся, ибо в прессе немало пишут о феноменах индийских йогов, полностью овладевших своей мускулатурой, дыханием и сознанием.

Да, Гималаи для эмпирической науки нашего века — «terra incognita»¹, которую еще только предстоит открыть. Если наша наука со всем уважением начнет приближаться к изучению тончайших проявлений психики и мысли человека, то истинно новый золотой ключ сезама будет дан в ее руки.

¹ неизвестная земля (лат.).

ХІІІ. Симфония красок и идей

179. Рассматривая пейзажи Николая Рериха, некоторые зрители на выставках в недоумении спрашивают: разве бывают горы, сияющие всеми цветами радуги? Разве кто-то видел горные хребты в насыщенных фиолетовых, оранжевых, синих, солнечно-золотистых, а иногда как бы в лучезарных тонах? Разве бывают такие деревья — как бы в огненном цвету — как, например, персиковые и абрикосовые сады на картине «Гуга Чохан», где все, кажется, горит, фосфоресцирует, даже зеленая земля вдаль как бы насыщена скрытым бархатистым сиянием?

Сам автор ответил бы: да, все это совершенно реально, все это есть в природе. Нечто подобное можно видеть хотя бы на утренней заре или закате, созерцая белоснежные заоблачные вершины Кавказа. Тем более — вершины Гималаев, где на все надо смотреть с «гелиоцентрической» точки зрения, где солнце (ведь здесь ближе к тропикам) в определенный час дня окрашивает каждый предмет в тот или иной тон цветовой гаммы.

180. К тому же Николай Рерих в большинстве своих пейзажей изображает восход солнца скорее в предрассветный час, который тесно связан с жизнью восточных людей, из-за дневной жары встающих очень рано. Этот наполненный не-

обычайной бодростью и силой час перед рассветом насыщен предчувствием пробуждения, великого созидательного бие-ния жизни, когда в долинах, среди скал еще сумерки, но горных вершин уже коснулся первый луч, и отражение сол-нечного света преобразует гамму тонов полумрака облаков, горных склонов и полусонных предметов.

Так солнце насыщает огненным светом все сущее, даже вибрации воздуха. Потому и колорит Рериха взят из «кладо-вой солнца». Если смотреть издали, краски его картин сияют и горят, полные огненного дыхания.

181. Изумительно, как горы ежечасно, до неузнаваемости меняют свой облик от касания солнечного луча, словно ве-ликий Мастер коснулся вершин своей волшебной кистью и преобразует их вид по своему вдохновенному настроению. Это видно хотя бы по двум вариантам картины «Нанда Деви» (1941). Вся гора полыхает золотисто-оранжевым пламенем, словно алмазный исполинский жар-цвет. Второй вариант — тот же утес спокойно струится белым солнечным светом.

«Сама Природа, — говорит Елсна Ивановна Рерих, — есть выражение высшего искусства в постоянном творчестве».

182. «Горное озеро» (1941) — всех удивляет в этой мастер-ской работе невыразимо прозрачное фиолетово-золотистое сияние зеркальной глади воды, как бы живительной и благо-датной. Какой же другой художник мог отразить такое бла-гословение в горной природе? Наверху — радужные полосы снежных склонов, зеленовато-алое небо так хорошо гармо-нирует с тоном озера. Такое же свечение и пылание цвета в картине «Лхаса».

Если всмотреться в «Границу Тибета» (1940), в этой не-большой картине очарует сказка темно-синего цвета. Смот-рим ли мы на «Жемчуг исканий», или на другие бесчисленные

гималайские пейзажи, — чаще всего мы наслаждаемся в них волшебством благословенного предрассветного часа.

183. Николай Рерих, долгие годы живший в Гималаях, наблюдал еще одно необычное, удивительное явление, которое походит на северное сияние и все же оно совсем другое, именно, «гималайское сияние», о котором он несколько раз упоминал в своих путевых очерках:

«До зари задолго, при звездах — вся соседняя гора за рекою усеяна розоватыми огромными огнями. Они движутся; собираются в гирлянды; распадаются на части, вспыхивают и исчезают; несутся вперед и назад или соединяются в одно мощное пламя. В студеном ноябрьском воздухе дивуемся на это гималайское чудо, знакомое всем жителям местным. Можете наутро спросить Гура, и он, блеснув глазами, скажет про огни Девита; а другой шепнет о светлом воинстве Майтрейи. Огни земли, а вот и сияние небесное. <...>

Над снежными вершинами Гималаев полыхает светлосияние, ярче звезд и причудливее зарниц. Кто же возжиг эти столбы света, шествующие по небу? Не близки полярные края полуношные. Не блеснуть в Гималаях сиянию севера. Не от северных сверканий эти столбы и лучи света. От Шамбалы они; от башни Великого Приходящего.

“Майтрейя идет”».

184. Работая в Гималайском институте в Наггаре, на высоте двух километров над уровнем моря, в легендарной долине Кулу, по утрам вместе с солнцем приветствовал Рерих могучие, в сиянии снегов и ледников вершины. Путешествуя по далеким гималайским просторам, по Тибету, Ладаку, Сиккиму, Рерих всем своим существом впитывал вечно меняющуюся «мистерию» горной красоты. Сознание его вросло в мир идей Гималаев, он стремился художественно воссоздать их в образах своих картин. Взор мастера постоянно радовал-

ся полифонической, невыразимой музыке красок гор, как надземной космической симфонии.

185. То особое чувство художника, которое можно назвать радостью колорита, Рерих проявлял уже в первых работах, он утончил и развил его, соприкасаясь с очарованием гималайских красок. Показательно, в какой мере Гималаи воспитали художественный вкус Рериха. Это видим, наблюдая этапы развития его цветовых решений. Простой, свежий, суровый и яркий цвет — в раннем периоде творчества. Но в какой удивительной модуляции цветовых тонов и световом ритме расцветают полотна Рериха в длительном общении с многозвучной красотой Гималаев. Например, в 1924—1925 гг., наряду с воздушно-светлым, розово-фиолетовым колоритом серии «Майтрейя» («Красный Всадник»), Рерих смог дать удивительную глубину и силу темно-фиолетовых тонов в таких картинах, как «Моисей» и «Цзон-ка-па», или интенсивную насыщенность солнечного света в картине «Будда Победитель» и т.д. Его цвет обретает особую чистоту, звучность, внутреннее, можно сказать, духовное сияние. Каждая картина — как симфоническая гармония цветовых гамм. Так с каждым годом, вплоть до конца жизни, творчество Рериха становится мощнее, благозвучнее, утонченнее, сердечнее.

186. Картины Рериха недаром именуют «Державой Света» (так называется и одна из его книг), настолько его живопись насыщена светом, даже в темноте ночи чувствуется близость незримого звездного света. Его гамма красок — эманация света, излучаемого снегами вершин, заснувшими скалами, цветущими деревьями, сердечными или озаренными устремлением лицами людей.

187. Первое впечатление от выставки картин Николая Рериха: кажется, что на полотнах краски горят, фосфоресцируют, излучают, будто колорит картин подсвечивается скрытым

источником света. Зритель входит как в волшебный сад лучей, пламени, отблесков света, еще не познав сущности картин. Даже если ум не постигает их смысла, чувство сердца — уже очаровано.

Характерен разговор двух посетителей выставки:

— Как бы ты чувствовал себя там, на вершине гор?

— Я думаю, что я бы там сгорел.

Не лед, не холод, но огонь чувствуется в картинах Рериха. Там бушует пламя.

Этот, можно сказать, космический огонь Рерих воспринял от природы, от вечно живой и вечно преображающейся гаммы солнечной радуги. Этот огонь он черпал из человеческого сердца, горящего восторгом о прекрасном, из возвышенных порывов духа, из чистой любви и подвига жизни. И этот огонь, кристаллизованный в художественном вдохновении, он вдохнул в образы своего искусства.

Так картина «Помни» горит внутренним, нематериальным светом, как будто космическим сиянием.

188. Кроме «школы солнца», языку света Рерих учился также у невыразимо светозарной лазури южного неба. Кто же, побывав на юге, не ощутил, как человека очаровывает, опьяняет неуловимо просветленный, можно сказать, блаженный воздух, который сразу хочется вдохнуть, как жизненный эликсир! Эту просветленную насыщенность атмосферы мы чувствуем и в картинах Рериха. Потому не случайно его называют не только Мастером Гор, но и виртуозом небесного колорита и воздушных, прозрачных далей. Его небо — духовный фон всех вещей, где объемно вырисовываются, вырастают, отражаются или сияют пластические формы и линии композиции.

Вполне возможно, что на цветовую палитру Рериха оказали влияние не только бесконечные, быстро меняющиеся пере-

ходы небесных тонов, которые он гармонизировал творческой силой духовной дисциплины, но и свойственная югу свежая звучность красок, необыкновенная их яркость.

189. Особенного мастерства Николай Рерих достигает в передаче голубого цвета. Его синий тон по сути является гаммой бесчисленных, тонких полутонов, один привлекательнее и выразительнее другого. Но на его полотнах в радуге жизненного оптимизма расцветают и другие краски. Необъятная небесная лазурь у него переходит в другие оттенки радуги — в фиолетовые или слегка розовые, оранжевые, особенно в изображении восходов и закатов.

190. Но глаз зрителя радуют и бесконечные вариации зеленых тонов, например, в «Дозоре Гималаев» или в картине «Падма Самбхава». Кажется, что в живописи Рериха отражается столько же зеленых тонов, сколько в самой природе, где кто-то насчитал шестьдесят оттенков зеленого.

Также вспомним величественный, пылающий пурпур в «Гэсэр-хане». В «Борисе и Глебе» — оба русских духовных подвижника объаты несколькими золотисто-желтыми, зеленоватыми световыми кругами излучений ауры, которая столь нежно прозрачна, что сквозь нее видны горизонты, озаренные восходом солнца.

191. Рерих всю жизнь искал лучшую технику для своего искусства. От жесткой масляной живописи в юности он переходит на акварель, пастель, гуашь, масло, смешанное с темперой. Испробовав разные ее виды, он окончательно остановился на своей, изобретенной им самим темпере, которую считал самым подходящим, долговечным материалом для живописи.

В живописной практике Рерих использует и цветную основу грунта, чаще всего для этюдов при работе на картоне, иногда

и на холсте. Он перепробовал многие виды изобразительного искусства: фреску, иконопись, мозаику, керамику, театральнo-декорационную живопись, эскизы костюмов, графику, пока, наконец, не остановился на темперной живописи.

В записках о мозаике Рерих говорит:

«Мозаика всегда была одним из любимых моих материалов. Ни в чем не выразить монументальность так твердо, как в мозаичных наборах. <...> Мозаика стоит как осколок вечности. В конце концов и вся наша жизнь является своего рода мозаикой». Следует отметить, что Рерих использовал мозаику при создании памятника на могиле Куинджи в Санкт-Петербурге.

Неустанные поиски в технических средствах искусства и в художественных возможностях дали великое синтетическое мастерство цвета и композиции, которое возрастало с каждой новой работой.

192. В творческом росте Николая Рериха наблюдается, с одной стороны, органически прочувствованная и понятая красота красок, с другой — импульсивное, творческое стремление дополнить, усовершенствовать красоту природы, расширить ее цветовую палитру новыми оттенками цвета, созданными огненным воображением и чувствознанием.

193. Еще характерно для живописи Рериха то, что противоположные цветовые тона у него так удивительно созвучны, так дружно уживаются (например, «Сантана»). Яркие цвета друг другу не мешают, но живут вместе, как братья. Особенно если смотреть издали, открывается истинная гармония. Как в радуге трудно разграничить цветовые гаммы, так и в картинах Рериха чувствуется слияние самых тонких цветовых переходов.

194. Истинно, приходится удивляться не только цветовой гармонии картин Рериха, но еще больше — великой гармо-

нии в логике расстановки всех компонентов произведения, а именно — неисчерпаемому воображению художника, его способности к одухотворенной композиции. Он одинаково мастерски владеет эстетической тайной формы и цвета, умеет подчинить все художественное построение одной идее. Каждая картина — аккорд в симфонии его мировоззрения.

195. Еще нужно отметить возвышенность и торжественность композиции, звучность ритма линий и красок. Этическое благородство и мощь, которыми дышат образы его героев, подчеркиваются фоном просветленных, как будто надпространственных далей, и это еще больше усиливает торжественное космическое настроение картины.

196. Величие и красота Гималаев, преобразившие мировоззрение Рериха, изменили и его мироощущение и восприятие природы. Природа стала одухотвореннее, глубже, мелодичнее, она как будто завибрировала незримыми, тончайшими цветовыми тонами и звуками. В природе, в ее широком, можно сказать, космическом измерении, услышал Рерих ту высшую, солнцееустремленную пульсацию, воспринять которую может только истинный художник, одаренный чуткостью духа.

197. Среди красоты Гималаев утончался и усовершенствовался и этический облик Рериха.

Конечно, нежные вибрации цвета, тонкие переходы, из которых «сотканы» картины Николая Рериха, вытекают не только из его абсолютного восприятия цвета, что, по аналогии с «абсолютным слухом», можно назвать «абсолютным слышанием цвета», но также и от нравственной чуткости самого великого художника. Это чувство красоты отражается в малейших нюансах музыки цвета и идей Рериха. С таким абсолютным этическим слухом Рерих старается подходить

ко всем вещам, особенно к сокровенным понятиям человеческим, это мы чувствуем, читая его сочинения. Слух великого художника — духовно-музыкальный: он может услышать через вещи и явления отзвуки Космической Гармонии, и стремится выявить их в золотом ритме всей своей жизни, посвященной служению человечества.

198. Кажется, что великий Мастер на вершинах Гималаев слышал звуки «музыки сфер», которую он так чудесно прославляет в одном из очерков:

«Остановите ли Симфонию Сфер? Прекратите ли громы небесные? Заставите ли умолкнуть водопады и вихри? Великие ли замолчать всем птицам и кличам оленьим?

Умертвите ли все песни людские? Заставите ли замолкнуть все Божественные напевы и созвучия?

Какой ужас водворился бы на земле без Вышнего Звука. Даже нельзя себе представить, что произошло бы с природою, ибо звук и свет нераздельно связаны между собою. Но, по счастью, никто этого губительного варварства и не может сделать, ибо ничьи силы не дотянутся до симфонии сфер, которая будет звучать и будет возвышать дух человеческий к новым творениям. <...>

Именно, не случайно звук так подчеркнут и в Библии, во всех древних Писаниях. Что же так тронет сердце человеческое, что же сделает его сразу и добрее и сострадательнее, вообще шире в объеме восприятия?»

199. Не случайно Рерих страстно любил музыку. Уже с юности его увлекает и торжественно-величественный Бах, и певец космического братства Бетховен, и Мусоргский, и Римский-Корсаков. Но больше всего он полюбил Вагнера. В своем гималайском ашраме он каждый вечер слушал «Парсифаля», «Лоэнгрина», «Валькирию». К последней он обращался в некоторых дореволюционных картинах, например,

в «Защиты огня», где вершина скалы объята языками пламени. И друг его жизни, Елена Ивановна Рерих в юности занималась музыкой, была одаренной пианисткой.

Музыкальная культура, царившая в доме Рериха, отражалась в его работах, в строительстве жизни, как и во внутренней культуре мастера, музыкальности его духа.

200. Отметим еще одну особенность творчества Рериха — музыкальность, «звучание» не только цветовой гаммы, но и линий и даже всей композиции. Можно даже говорить о симфоническом принципе построения картин Рериха. Иногда создается впечатление, что в них все вибрирует, звучит, переливаясь в тончайших цветовых тонах, контурах, идейных компонентах.

Потому при первом взгляде на картины Рериха нам кажется, что краски его поют, струятся в неуловимых вибрациях. Мы все наблюдали, как знойным летним днем трепещут струи согретого воздуха, мы даже видели игру солнечных лучей. Но как возможно перенести эту небесную магию на неживой холст, застывшими мазками цвета? Кажется, что краски Рериха живые, так они свободны, будто дышат. В них — огненная энергия творца, которая дает краскам жизнь, одухотворяет их и насыщает мыслью.

201. Когда слушаешь игру на рояле видного мастера, кажется, что клавиатура превратилась в скрипку, звук уносится в беспредельную небесную лазурь, как будто играют не пальцами, но мыслями и чувствами. Все технически-вещественное в игре мастера исчезло, царит духовное, надземное звучание. Все естественно, свободно — будто слышишь эфирное дыхание вечности.

Так Рерих увековечил музыку на холсте. Даже не верится, что человек может так тонко и виртуозно владеть сложной техникой темперы. Кажется, что сердечная «антенна»

художника воспринимает «музыку сфер» и дает ей расцвести в небывалом ликовании земной красоты.

Примечательно, что сказал один из посетителей выставки: «Когда я увидел выставку Рериха, меня встретила волна звуков. Каждая картина звучала, казалось, горела в неслышимой музыке».

Вспомним, что Скрябин пытался усилить язык своей музыки световыми и цветовыми эффектами. А художник Чюрленис, напротив, в свои композиции вкладывал элементы музыки.

202. Большая художественная музыкальность Рериха особенно выразилась в его театрально-декорационных произведениях (особенно в 1911–1919 гг.). Он создал декорации и эскизы костюмов для музыкальной драмы «Пер Гюнт», для опер «Князь Игорь», «Царь Салтан», «Садко», «Снегурочка», «Псковитянка», «Хованщина», «Тристан и Изольда», «Валькирия», к балету «Весна Священная», к драмам «Сестра Батриса», «Принцесса Мален» и т.д. Рерих придал драме психологические цветовые лейтмотивы, значительно ее дополнив, выявив ее сущность. Ведь задача цвета — пробудить в зрителе известное эмоциональное или идейное настроение. Это мы уже видели в характеристиках изображенных Рерихом подвижников. О своих театрально-декорационных эскизах Рерих говорил: я сочиняю в созвучии с музыкой, выбирая цветовой лейтмотив, который соответствует тональности драмы.

Эти эскизы Рерих писал, словно музыку. Но музыкальное вдохновение спонтанно выражается и в других произведениях, поэтому можно говорить о внутренней музыкальности всего творчества художника.

203. К тому же сама удивительно многозвучная фантазия Рериха, которая льется из его творческого сознания — сво-

бно, органически, как солнечный свет, — полна музыкальных элементов. Богатство тематических и композиционных мотивов в работах Рериха воистину неисчерпаемо. Кажется, что в Рерихе, так же как в Моцарте или Бетховене, вечно вибрирует и звучит космическая симфония, ему остается только моментально схватывать, импровизировать и творить, без больших «творческих мук», какие испытывает обычный художник в поисках сюжета.

204. Вдохновение сопровождает всю жизнь Рериха, можно сказать, каждый час творчества, оно стало ведущей звездой, путеводным огнем его деятельности. Сердечный огонь сияет, когда взлетает мысль.

205. Вспомним, что Рерих также — острозвучный, одухотворенный поэт. Он издал отдельную книгу стихов — «Цветы Мории». Поэтический талант — лирический или эпический — чувствуется во всем его искусстве. Рерих как поэт и художник иногда так переполнен сияющим, благословенным, творческим вдохновением, что сравнивает его с благодатью, которая лучистыми струями льется на него, но лишь немногие он в силах уловить и воплотить в своем искусстве:

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках,
крепко сжатых, я донесу только
капли.

206. Рерих написал и легендарно звучащие сказки и притчи, окрашенные своеобразным колоритом древнерусского языка и мысли. Его поэтический талант проявляется и в философских очерках, в призывах к друзьям и путевых заметках. Рерих пишет живописно, образно, как художник, обладающий спокойствием и любовью восточного мудреца.

207. Мы уже говорили о Николае Рерихе как о мыслителе, вспоминали о цельности его мировоззрения. Рерих — мастер мысли — проявляется во всех компонентах своих картин. Истинно, картины Рериха — царство мысли. Все в них наполнено мыслью. Можно сказать, что Рерих мыслит в красках. Его творческие мысли воплощаются в определенные цветовые гаммы. Краски являются отражением познающей мысли. Как отдельные тона, так и весь цветовой фон картин, как мы видим, часто служат Рериху средством для характеристики изображаемой личности, выявлению духовной красоты героев или же их отдельных возвышенных качеств.

208. С другой стороны, Рерих мыслит образами — его идеи воплощаются в конкретных видениях и образах. Не только фигура человека, сидящего в размышлении или мчащегося в боевом напряжении, но и каждый предмет, будь то скала, облако, сам небосвод — все у него о чем-то говорит. Это может казаться символизмом, но в символических картинах Рериха нет ничего неясного, туманного, как, например, в поэзии немецких романтиков. В картинах ощущается сильное, здоровое, эволюционное дыхание. Под символикой Рериха кроется реальная действительность, воплощение четкой идеи. Истинно, символику Рериха скорее можно определить как великую правду жизни, или, говоря словами Рабиндраната Тагора, «само выражение прекрасного в природе — есть великая правда, только каждое сознание воспринимает правду красоты по-своему».

209. И разве сама природа не выражает своей великой правды в вечно пульсирующей активной жизни, постоянно меняя свой «психологический облик», свое настроение — то окрашиваясь лазурью трудового дня, то облекаясь в пурпур заката, то в мрачные бездны непогоды — мятежа и очищения. Рерих просто старался читать вечную «Книгу Красоты» жизни, как это делает каждый великий художник, поборник прекрасного, по-своему подходящий к письменам сущего.

210. Истинно, многокрасочная палитра Рериха передает живую, реальную природу с ее неисчерпаемым богатством цветовых гамм, энергий, образов, индивидуальных и сверхличных ощущений человека и его идейных, альтруистических мотивов. Но у Рериха — необычный подход. Его реализм выражается в том, что он хочет слышать и видеть в природе такие эстетические звучания и краски, такую правду жизни, которую познал только он. Именно, Рерих в пульсирующей жизни нашей планеты услышал те жизнеутверждающие, эволюционные космические тона, которые может воспринять лишь высококультурный, музыкальный дух.

XIV. Воспитательная миссия искусства Рериха

211. Работу гениального художника иногда сравнивают с огненным магнитом красоты, который невольно извлекает из души человека лучшие, сияющие элементы, и таким образом может поднять и даже преобразить его сущность. Это тем более можно сказать о картинах Рериха, которые смогли пробудить в зрителях такую волну сердечного восхищения, какую редко вызывают работы других художников. Об этом свидетельствуют полные энтузиазма записи в книгах отзыва на его выставках в Москве, Ленинграде, Риге, Киеве. Смысл этих записей можно кратко выразить так:

«Картины Рериха побуждают тебя стать чище, правдивее и образовать себя и окружающее прекрасно и благородно».

212. Также о Рерихе говорят, что с самых молодых лет, при длительном сотрудничестве с ним незаметно преобразались его друзья. Именно психомагнит личности художника, проявленный в его картинах как огонь динамики духа или психической энергии, зажигает зрителя энтузиазмом и вдохновением.

Все великие духи одарены громадным потенциалом огненной энергии. Поэтому чуткие сознания в их присут-

ствии ощущают emanацию неких сил, которые невольно влияют на них.

Это можно сказать и о Рерихе. Биографы упоминают характерный случай из его жизни, который свидетельствует о необыкновенной силе его психической энергии. Рерих как-то посетил известного индийского биолога Джагадиса Боше в его лаборатории в Калькутте. Боше, известный как исследователь чувствительности или «души» растений, продемонстрировал художнику процесс умирания растения: «Сейчас я дам яд этой лилии, и вы увидите, как она вздрогнет и поникнет». Но вместо поникания лилия поднялась еще выше. Ученый задумался: «Давно предугадывал я, что emanации некоторых сильных энергий должны влиять на окружающие физиологические процессы. Вы препятствуете смерти растения, отойдите подальше». И действительно, когда Рерих отошел, жизнь растения прекратилась».

213. Друзья и сотрудники называют Рериха человеком, обладающим великой самодисциплиной и гармонией, подобно древним греческим философам, индийским йогам, известнейшим подвижникам искусства и красоты Фидию и Леонардо да Винчи.

• Среди трудностей экспедиции Рерих «оставался все тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло... Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение» (Н. Грамматчиков).

Гармоничность личности Рериха в высшей степени выражается в его работах, и зритель, созерцая их, наполняется гармонией, ритмом и благозвучием, и, уходя с выставки, эту гармонию уносит с собой.

Даже свое художественное восхищение, экстаз перед прекрасным Рерих держит в серебряной узде дисциплины и строго контролирует чувствознанием сердца. Кажется, что внутри

великого покоя его картин — напряженные огненные элементы творческих мыслей и чувств, сдерживаемых дисциплиной.

В одной из статей Рерих говорит, что надо дисциплинировать свое творческое мышление, и человек, который всегда дисциплинирует себя, сотрудничает с Космосом, ибо вместо эгоистических мыслей он наполняет пространство мыслями гармоничными и благородными.

214. Конечно, гармония картин и созвучие красок, и тем более магнетизм излучений автора благотворно влияют и успокаивают нервную систему зрителя. В литературе многократно упоминалось о целительных свойствах картин Рериха. Известны факты, что в неврологических клиниках врачи развешивали картины Рериха. К тому же для современной медицины нет ничего нового в том, что при лечении нервных болезней применяется цвет и музыка. И надо признать, что для многих «больных душ» музеи изобразительного искусства иногда были более благотворными целителями, нежели медикаменты и санатории.

215. Гармония и благородство, присущие искусству Рериха, вызывают у зрителя торжественное настроение. Торжественность, которая покрывает будни великим, возвышенным переживанием, когда мелочи жизни растворяются в чем-то необыкновенном, мощном, больше всего приближает к космическому настроению. Поэтому с выставки картин Николая Рериха посетители уходят, окрыленные необыкновенными чувствами, как с оратории Баха или «Missa Solemnis»¹ Бетховена.

216. Картинам Рериха присуще удивительное чувство меры и соизмеримость. Они заставляют зрителя невольно изме-

¹ «Торжественная месса» (лат.).

рять свою жизнь мерами надземных Гималайских вершин. Заставляют концентрироваться на великой эволюционной цели, на самом главном, и этим возвышенным, бескорыстным заданием соизмерить и преобразить жизнь, наполнить высшим понятием общего блага все личные заботы и обязанности. В картинах мы как будто слышим призыв автора:

«Разве в блужданиях своих и в шатаниях человечество не забывает спросить и подумать о том, что для него действительно неотложно?»

Николай Рерих часто вспоминает слова Льва Толстого, сказанные ему, тогда еще молодому художнику:

«“Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет”. “Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет”».

И Рерих советует всегда держать перед глазами наивысший идеал, соизмерять все со светом возможностей Будущего.

217. Искусство Николая Рериха — плод не только интеллекта художника, оно, можно сказать, вдохновлено знанием сердца, глубокой интуицией, одухотворено и продиктовано синтезом духа. Потому в картинах Рериха чувствуется такая сердечность, откровение сердца. Даже то, что некоторые именуют «эффектами» в живописной манере Рериха, создано не интеллектуальным расчетом, но естественно, органически исходит из художественной творческой сущности.

В своих статьях Рерих всегда подчеркивал язык сердца, как первое условие того, чтобы среди людей царствовало взаимопонимание и дружба. Язык сердца необходим и на Востоке, и тем более на Западе.

Этот язык необходимо усвоить во всем строительстве жизни и культуре. В одном письме Рерих говорит:

«...Приложите всю Вашу глубокую сердечность для того, чтобы дело могло расти как истинное культурное достижение. Вы сами знаете, насколько дух человеческий нуждается в любви и сердечности, которые могут вдохновлять к творению дел добрых и просвещенных». «Поймите сердцем!» — призыв Рериха к молодежи.

218. Если интеллект дает знания, то сердце — истинный воспитатель нравственности, оно преобразует и очищает человеческие отношения. Также искусство — этот «язык сердца» — воспитывает человека, облагораживает, дает ему возможность познать жизнь и природу, делает мудрее.

Великие произведения искусства отражают синтез культуры и науки, все Музы собираются и сотрудничают в храме творчества. Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело известны не только как гении искусства, но и как пример высокой культуры и широкого кругозора. То же можно сказать и об искусстве Рериха, за которым стоит личность мыслителя и ученого.

Потому искусство Рериха не только пленяет и увлекает, но и учит, дает каждому духовный дар, совет или, по крайней мере, импульс мысли. Уходя с выставки Рериха, зритель чувствует себя обогащенным не только эстетически, но и идейно.

Рерих творит с такой убедительностью, что без всякой риторики, в каждой картине или образе он дает зрителю возможность угадать истинную мысль мастера.

219. Великий огонь красоты искусства дан человечеству для объединения. Слушая возвышенную музыку или стоя перед одухотворенными произведениями искусства, люди чувствуют, как затихают раздоры и непримиримые споры.

Именно, творчество Рериха осуществляет то, что он считал основной задачей искусства: быть объединителем человечества.

В своих произведениях Рерих неустанно призывает к дружелюбию, терпимости, взаимопониманию, сотрудничеству, гуманизму. В одном из стихотворений он рассказывает о людях разных национальностей, пришедших к нему и говорящих на непонятных языках:

А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?

220. Если миссия искусства — укреплять единство, то тем более великие произведения искусства служат миру человечества.

Рерих, инициатор «Знамени Мира», в многочисленных очерках и картинах выражает эту спасительную для человечества идею. Самим своим обликом, напоминающим покой Гималайских вершин, Рерих излучал этот пламенный призыв, который в наши дни звучит, подхваченный миллионами борцов за мир. В океане взволнованных стихий Рерих призывает использовать все возможные мирные средства.

Николаю Рериху кажется, что в жизни особенно важна самоотверженность, творческая активность, которая освобождает от сора эгоизма, приближает людей к братству и миру.

«...Творите во всем неисчерпаемом творчестве — сосуды цельные и прекрасные. Украшайте их лучшими помыслами и мысленно пожертвуйте их тому же великому миру всего мира».

221. Сама творческая мысль, выраженная в прекрасных формах и красках, по мнению Рериха, жет человечеству новые крылья, ведет по пути прогресса:

«Эта творящая мысль, украшенная всеми основами, всеми красотами созидательных законов, ведет человечество в высь, готовится к принятию эволюции, и от меньшего сердца до сердца государства и части Света устанавливает великое понятие Прекрасного, которое в существе своем свойственно всем векам и народам.

Из этого чувства Прекрасного рождается и благородство духа, постоянное творчество, героизм и подвиг. Из того же источника истекает и оптимизм, так необходимый, ибо каждое отрицание не творяще».

222. В картинах Рериха чувствуется характерное для славянских и восточных народов качество — великая пламенная преданность цели жизни или идее, преданность благу своего народа и человечества, преданность великим Учителям жизни. Этот священный огонь устремления невольно зажигает и в зрителе все наиболее утонченные чувства.

И не будет преувеличением сказать, что красота искусства Рериха, которая вдохновляет стать лучше, призывает свершить нечто великое, преобразовать свою жизнь в высшем космическом благозвучии и героизме, — вдохновляет на подвиг. Разве не подвиг — быть примером высокой этики для других, наполнить жизнь сознательностью, культурой и служением восхождению народа, родины и человечества?

«Мы должны опираться на истину, на истинные факты, все наши слова и действия должны быть чисты, как кристалл, ибо мы живем на глазах всего мира».

Это можно сказать и о самом художнике. Свидетельница его жизненного подвига, друг его жизни, Елена Ивановна Рерих говорит о нем так:

«Вот этот-то подвиг жизни во всей его суровой красоте и проводит Н.К. Жизнь его есть жизнь, полная самоотречения, он живет лишь для Великого Служения во благо человечества. Ничто не принадлежит ему, и сам он не принадлежит себе. Каждую минуту готов он следовать малейшему Указу Иерархии Света. Терпимость великая — природа его, и, как магнит, притягивает она самых различных людей...»

XV. Искусство Рериха приближает к космической красоте

Пусть вместо сомнений и отрицаний
завучат струны дальних миров.

Дум, 18

Пробудив желание к красоте Беспредельности во всем, человечество пойдет без оглядки.

Беспредельность, ч. I, 46

223. Великая чистая красота, которая проявляется на нашей планете, — во всех многообразных формах и процессах природы и взаимоотношениях людей, в истинном искусстве, поэзии, музыке и знании, в кристаллизации культуры и в творце этих высших ценностей — в прекрасной душе человека — уже есть отражение космической красоты.

Так каждая истинная, одухотворенная красота, которая выявляется как элемент гармонического ритма эволюции и которую воспринимает и переживает человеческое сознание, приближает его к космической гармонии.

224. Ученые и мыслители утверждают, что закон беспредельной гармонии движет весь Космос. Прекрасна сама космическая эволюция, в процессе которой из туманностей первичной материи появляются величественные солнечные системы и сонмы планет, и на них — живые несознательные, а может быть и сознательные существа, «властители природы».

Космическая эволюция есть процесс постепенного развития или расширения сознания: все стремится от бессознательности к сознательной жизни, от тьмы незнания к свету знания или истины. С другой стороны, космическая природа находится в вечном ритме творчества форм и совершенствования их в красоте. Герои духа и великие строители государств, творцы высокого искусства и поэзии, великие самоотверженные ученые и учителя общего блага в действительности являются сотрудниками природы, они интуитивно дополняют и завершают ее стремление к гармонии и совершенству.

225. Ныне человечество подошло к новой ступени эволюции — сношению с дальними мирами. Это соприкосновение с иными, далекими планетами даст людям возможность примкнуть к потоку космической эволюции. Дальние миры в сознании человечества, в его мечтах и помыслах — это миры высокого развития и красоты, которые соответствуют лучшим формам нашей эволюции.

Наука уже допускает мысль, что существуют дальние миры или планеты, где обитают более развитые существа, где выше духовные и материальные достижения, где человек оперирует более тонкими психическими энергиями, где царят истинный мир и гармония, где человек сознательно стремится идти в одном ритме с эволюцией Космоса.

226. Также Рерих в одном из очерков говорит:

«Завещанные тончайшие энергии уже не отвлеченность для человечества; истинные ученые уже применяют их в своих

благословенных опытах улучшения жизни. Давно предуга-
занная жизнь на дальних мирах и новые возможности зем-
ной жизни перестают быть сказками. Мы уже пользуемся
этой реальностью и она создает нам новые часы возвышен-
ного размышления».

Хочется также отметить, что говорит Елена Ивановна
Рерих:

«...Наука идет такими гигантскими шагами вперед, что
скоро будет осознана и следующая ступень, именно, ступень
сотрудничества с Космосом, и тогда космическое сознание
перестанет пугать даже самых неученых, а станет явлением
обычным...» И тогда человек осознает свое место в Космосе.

227. Тончайшие градации огня духа, тонкие эманации
чувств и этически возвышенные, бескорыстные мысли, об-
разующие духовную сущность человека, — это и есть насле-
дие высших планет или эволюции космической красоты.

Сознательно совершенствуя себя здесь, на Земле, человек
становится путником к дальним прекрасным мирам.

228. Искусство Николая Рериха, со своими одухотворен-
ными, сияющими, звучными цветовыми гаммами, с возвы-
шенными идейными компонентами, с плеядой образов ге-
роев — этих высот человеческого духа — приближает нас к
дальним мирам высшего совершенства, позволяет нашему
сердцу соприкоснуться с космическим горизонтом. Ибо кра-
сота искусства Рериха, все ее лейтмотивы устремлены к кра-
соте Космоса.

229. Воистину, «может ли прожить человек, не подняв глаз
к звездам и ни разу не подумав о Беспредельности?» (Над-
земное, 448).

«...Мы должны стремиться ко всему, что может выводить
наше сознание за пределы планеты» (Иерархия, 162).

Не только разумом, научно познающим, но именно сердцем, чистыми, возвышенными звучаниями творческого огня, преданностью и любовью, стремлением поднять свою жизнь и жизнь всего человечества на высшую, героическую ступень — человек рвется за пределы планеты, в иные, утонченные миры, в пространство, озаренное беспредельной свободой и возможностями. Лучшая, творческая, стремящаяся к познанию мысль человека летит вдаль, к вершине вершин, в звездные обители беспредельного света, он становится странником, принадлежащим к семье других разумных существ, устремленных к Беспредельности в гармоническом ритме космической эволюции.

Смелые открытия науки о звездах помогают множеству людей обрести крылья — летать в своих чувствах, воображении и мыслях, хотя их «крылья духа» еще в плену материи. Человечество еще не научилось использовать космические дары: гармонию сознания, доброжелательность, мир, гуманность в отношениях между людьми.

230. Истинно, людям прежде всего надо научиться сотрудничать между собою, чтобы обрести новое качество — стать сознательными космическими сотрудниками. Воистину, настоящее соприкосновение и сотрудничество с дальними мирами будут возможны только тогда, когда человечество на своей небольшой планете возведет замок духовного Света.

Молодые энтузиасты великого мира красоты, устремленные в Будущее, — мечтайте, устремляйтесь, горите самоотверженным дерзновением. Становитесь, прежде всего, подлинными участниками общей работы человечества, желайте создать единое братство на земле, как частицу чудесного венца Космической Общины, — так вы станете истинными сотрудниками Космоса.

Пусть дальние, высшие планеты станут мерилom строительства и совершенствования всей вашей жизни.

Пусть вашей величайшей целью будут эти лучшие, сияющие миры, куда человечество должно стремиться, выходя за пределы своей несовершенной планеты.

Когда-то мышление было племенное, затем — народное, национальное, планетарное, теперь человечество должно расцвести в космическом сознании.

Человек должен начать жить в Космосе сознательно, как созидатель, как участник эволюции, устремляясь к созвучию своей героической жизни с ритмом маэстозо, с ритмом Космоса.

231. Хотя мы еще далеки от этой смелой мечты, мы чувствуем, что искры высших миров уже достигают нашего сознания, и задача нашего духа — собрать эти искры в сокровенном ларце сердца.

Так в наиболее одухотворенные часы сердечного творчества и самоотвержения, в мгновения истинного восторга и сердечной любви в сущности человека действительно звучит музыка звездных сфер.

В высших взлетах вдохновения и достижений жизни, в героике общего блага человек, можно сказать, живет не только на нашей малой планете, но становится аккордом в симфонии беспредельной эволюции Вселенной.

Пифагор говорил, что каждая планета космически звучит своим основным тоном. Тем более можно утверждать, что каждый герой Красоты на Земле звучит своим особым космическим тоном, и ничто не может сравниться с красотой этого звучания.

232. Так дыхание огненной Красоты, беспредельного восхождения и души Космоса веет в картинах Рериха.

Проявляется ли этот трепет космического сознания в сердце зрителя, который долго созерцал необычное, величественное творчество Рериха и уходит с выставки с плененной красотой душой? Это трудно выразить словами. Только одно чувствуется — что красота искусства Рериха дарит красоту и нашему сердцу, и нашей жизни. Призывает не довольствоваться достигнутым, но сознательно устремляться к вершинам, к овладению новыми ступенями жизни, к высшим космическим идеалам и возможностям.

Искусство Рериха призывает, чтобы человек поднялся в духе над своей эгоистической, ограниченной, обыденной жизнью, к великому служению людям, чтобы в духовном братстве человечество поднялось к горным высотам Космоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учение Живой Этики.
2. Держава Рериха. — М.: Изобразительное искусство, 1994.
3. Е.И. Рерих. Письма. В 8-и тт. — М.: МЦР, 1999—2008.
4. Николай Рерих. Алтай— Гималаи. — Рига: Виета, 1992.
5. Николай Рерих. Врата в Будущее. — Рига: Виета, 1991.
6. Николай Рерих. Держава Света. Священный Дозор. — Рига: Виета, 1992.
7. Николай Рерих. Листы Дневника. В 3-х тт. — М.: МЦР, 1995—1996.
8. Николай Рерих. Нерушимое. — Рига: Виета, 1991.
9. Николай Рерих. Письма к В. Шibaеву. — Манускрипт.
10. Николай Рерих. Твердыня Пламенная. — Рига: Виета, 1991.
11. Николай Рерих. Цветы Мории. Пути Благословения. Сердце Азии. — Рига: Виета, 1992.
12. Н.К. Рерих. Собрание сочинений. — М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914.
13. Письма с Гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2-х тт. — Минск: Лотаць, 2000.
14. Рерих. — Riga: Izdevis Rericha Muzejs, 1939.
15. Рихард Рудзитис. Встречи с Юрием Рерихом. — Минск: Лотаць, 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. На пороге новой космической эры	5
II. Из прошлого в будущее	12
III. Великая реальность	15
IV. Вечный странник	19
V. Гармония мира Рериха	27
VI. Провозвестник и строитель	33
VII. Борец за мир	42
VIII. На вечном дозоре	46
IX. Видения Грядущего	56
X. Воинство героев Грааля	68
XI. Свет Гималаев	87
XII. Горный Жар-Цвет	98
XIII. Симфония красок и идей	104
XIV. Воспитательная миссия искусства Рериха	118
XV. Искусство Рериха приближает к космической красоте	126
Литература	132

Литературно-художественное издание

Рихард Яковлевич Рудзитис
Космические струны
в творчестве Николая Рериха

Редактор: Е. А. Тарасенко
Набор: Н. К. Гладкая
Корректор: Е. А. Вершинина
Художественное оформление: МО «Звезды Гор»

Издательство выражает благодарность
Г. Р. Рудзите и Л. Р. Цесюлевичу
за помощь при подготовке книги к изданию.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.12.2012.
Формат 60×84¹/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,4. Тираж 1000 экз. Заказ 55.

Международная организация «ЗВЕЗДЫ ГОР»
<http://www.paxperculturala.org>
E-mail: msmozg@gmail.com

ООО «СангитаСтрой»
Издательская лицензия ИЛ № 02330/1014 от 31.01.2012 г.
220030, г. Минск, пер. Козлова, 76, 12.
Тел. (375-29) 660-26-65, E-mail: lotatsv@tut.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск.

ISBN 978-985-7041-07-7

